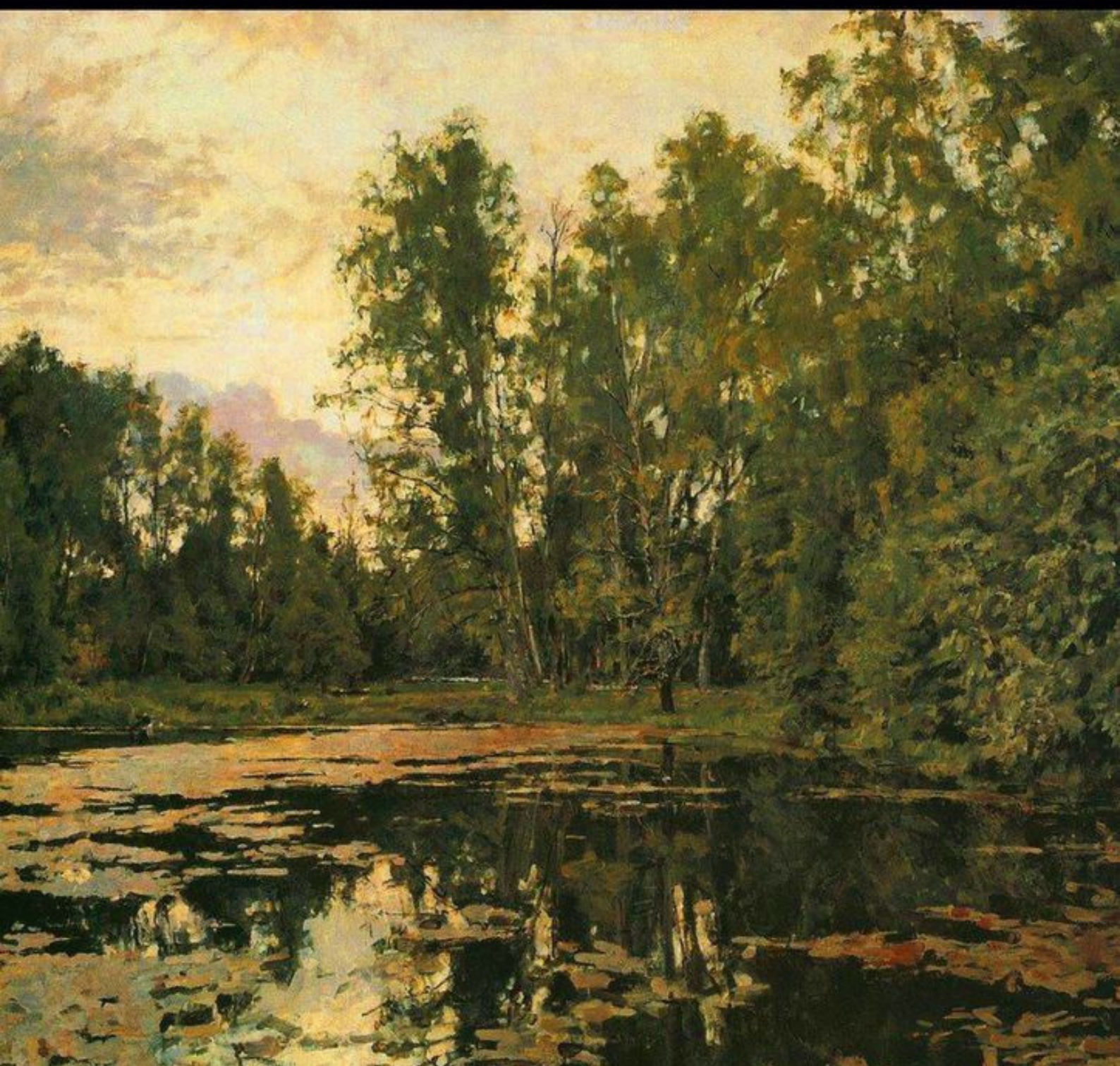

18+

ГЕННАДИЙ ЛЕОНИДОВИЧ
КОПЫТОВ

Сборник романов и повестей

Геннадий Копытов

Сборник романов и повестей

«Издательские решения»

Копытов Г. Л.

Сборник романов и повестей / Г. Л. Копытов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968921-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**«...
Так и мы, когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы: честно ли
это или нечестно, умно ли это или глупо, к чему поведет эта любовь и так
далее. Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет,
раздражает — это я знаю...» Чехов А. П. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-968921-4

© Копытов Г. Л.
© Издательские решения

Содержание

Вяземский десант	6
повесть	6
1	7
2	10
3	11
4	13
5	14
6	15
7	17
Рабочий Полк. Тула 1941 год	18
повесть	18
1	19
2	20
3	21
4	23
5	25
6	26
7	32
8	35
9	36
10	39
Комсомольское затмение августа	40
Роман	40
Часть I. Не жестокий романс	41
Часть II. «И с нами, на все времена!»...	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сборник романов и повестей

Геннадий Леонидович Копытов

© Геннадий Леонидович Копытов, 2020

ISBN 978-5-4496-8921-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вяземский десант

ПОВЕСТЬ

*Памяти великого советского русского писателя-фронтовика
Ю. В. Бондарева.*

*Посвящается воинам-десантникам 4-й ВДК;
8,9,201,204,214 ВДБр, 250-му отдельному воздушно-десантному полку
и командиру 4 десантного корпуса генералу Левашову А. Ф.*

*«Неважно какой оттенок нашей кожи
или разрез глаз – для врагов мы все русские.» Маргелов В. Ф.*

*«И сказал Господь ключарям своим
Открывайте ворота в сад,
Это я дал приказ: от зари до зари
В рай пропускать десант...»
М. Анчаров*

1

Январь-февраль 1942 года. Лесной аэродром Ржавец в лесу под Калугой, полевые аэродромы – Грабцево и Перемышль... Тяжелый бомбардировщик ТБ-3 казался огромным, неуклюжим и странным. Широкие плоскости крыльев дрожали, когда самолет разворачивался на взлетной полосе и низко подсвеченный режущим леденящим светом, садящегося в заснеженный ельник солнца, подруливал к третьему батальону, стоящему повзводно. Тридцать девять метров размах крыльев – летающая ярмарка! Появилось сомнение, что он вообще способен летать!

Капитан Суржиков Михаил Иосифович остро припомнил неудобные тренировочные прыжки с ТБ-3 в позапрошлом году. Его бойцы выползали из тесных лючков на плоскости крыльев, справа и слева от фюзеляжа, а он, будучи тогда комроты, зависал сверху над ними, на самом гребне. Выпускающий комбат руководил процессом выброски, выставляясь налету наполовину туловища из носовой пулемётной турели. Самым отвратительным было десантирование из боковых фюзеляжных турельных лючков. Туда набивали бойцов похудее, чтобы легче было протискиваться в узкие проемы. Проталкиваясь через их тесноту всегда к горлу подкатывало удушье. После взлета и выхода на плоскости, до момента сваливания с крыла, их еще минут десять трепал жестокий ветер на скорости 200 км в час, пока все выбрались и расположились на плоскостях и корпусе бомбардировщика.

Тогда был октябрь, внизу на аэродроме было +8, а на высоте 1000 метров, под шквальной струей, морозило до минус десяти! Ледяной ветер жег лицо, вышибал безостановочные слезы, было тяжело дышать... Сейчас он опешил и расстроился, что придётся в такой холод собачий (минус тридцать пять, это без учета ветрового напора) мотаться на плоскостях в ожидании десантирования! Бойцы могут обморозиться... Но приказ есть приказ. Будем с ТБ-3 прыгать...

Но «ТэБеха» прокатилась дальше по полосе. И там обслуга принялась плотно набивать его нутро десантными мешками с оружием, подвешивать под корпус два противотанковых орудия калибром 45 мм... На просеке ровными грядами лежали парашюты «Ирвин» и ПД7. Десантники 8 бригады 4 парашютно-десантного корпуса готовились к погрузке на десантирование в немецкий тыл. Два батальона – 452 бойца.

– Надеть парашюты, подогнать ножные и грудные обхваты! – командует комбат. Десантники в белых масках накидывают на себя по два купола. На спину основной, спереди запасный. Под подвесные ремни основного парашюта пристраивают автоматы ППШ или ППД. На некоторых бойцах короткие карабины Мосина с оптическими прицелами и без них. Оружие стволами вниз, плотнее к бедру.

На заснеженную площадку, один за одним стали приземляться ПС-84 (ЛИ-2). В войсках их упорно называли «Дугласами». Двенадцать бортов. Это были машины гражданской авиации срочно снятые на нужды фронтовой операции. Капитан, вытолкнув морозный дым, кричит:

– На погрузку, в колонну по два марш! И двухрядная змея потекла из леса на поле к останавливающимся и разворачивающимся крылатым машинам.

Вдруг заработали зенитки прикрытия и две счетверки «Максимов» на шкворенных установках с разных точек. -Воздууух!!!... Какая жуткая мерзкая команда, хуже неё только миномётный обстрел и выход из-под артиллерийской вилки! Десантники бегут к лесу. С запада низко из-за леса заходят две пары «Хенкель -111» и «Юнкерс-88» и сеют черные, крутящиеся черточки бомб, будто гадят злобные железные птицы. Достигая земли эти палочки дергаются и вспухают грязно-белыми пучками разрывов. Взрывы пересекают, запоздало начавшие разбегаться к лесу, самолеты.

Один вдруг подпрыгивает вверх, словно попытался взлететь прыжком, тут же валится косо вниз винтами, шасси при падении ломаются, фюзеляж продолжает, криво вращаясь, скользить по снегу, а плоскость крыла с красной звездой, замедленно летит кувыркаясь вверх, как белый тетрадный плохо склеенный самолетик...

– По самолетам противника, огонь! Сквозь гром взрывов и стрельбы орет капитан. Видит, как его десантники дружно перестают бежать, кидаются в снег на окраине леса и лежат на спине, открывают огонь в небо. Самолеты с черными крестами улетают, к сожалению, без потерь.

На белом поле полыхают две машины ПС-84, и ТБ-3. Черный коптящий дым от них низко стелется над землей, прижимаемый начавшейся метелью... Машины тушат. Из «Дугласа» летчики успели выпрыгнуть, и бессмысленно смотрят, как шустрый легкий танк Т-37 сталкивает их обгоревший, разорванный аэроплан, с почерневшей и проплавленной земли, в овраг...

Комбриг генерал-майор Левашов принимает решение продолжить погрузку десанта в оставшиеся машины. И батальон не полным составом загружается и самолеты один за одним взлетают в темнеющее небо. Также идет погрузка и отправка посадочного десанта второй волны с аэродромов Домодедово и Люберцы. Их должны десантировать в 35 км от линии фронта в районе деревень: Озерчя, Комово, Андросово.

У первых двух батальонов задача самая сложная – захватить плацдарм, просто большую площадку с ровным полем, подготовить её в инженерном отношении, то есть создать поле-вой аэродром, и встретить десант второй волны, который высаживается посадочным способом. Удержаться до их прибытия...

Капитан смотрит в иллюминатор. Внизу ничего не видно. Ровно гудят двигатели, где-то, далеко на горизонте бледно розовеет остывающая заря. Обшивка внутри ледяная, голыми руками не дотронешься!... Будто летит Михаил домой из Бессарабии, после её освобождения, в Москву. Лейтенантом... В отпуск.

Закрывать глаза и ничего будто нет. Ни 25 бойцов в белых масках с такими же побелевшими лицами, обтянутыми ушанками, ни нервных летунов... Цветущие яблоневые и вишневые бескрайние сады...

Самолёт дернуло, накренило, бойцы повалились с лавочек в проход. Хлопки за бортом, яркие вспышки, как молнии, что-то застучало по крыльям справа... Линия фронта. Их засекала немецкая ПВО и обстреливает несколько минут, пока пролетали в зоне досягаемости немецких зенитных орудий. Все напряженно ждали налета фашистских истребителей...

С каждым хлопком за бортом у капитана ёкает внутри, непроизвольно напрягаются мышцы пресса, но предательски расслабляется нутро. «Не обделаться бы, дергается капитан: «если меня так припекает, а я тетерев шуганый и стрелянный, то каково этим мальчишкам? Которые летом школу закончили, а месяц назад еще в клубы деревенские бегали, девочек на трезвую пригласить на танцы стеснялись. А потом успели только раз крепко, по взрослому, зацеловать в губы свою деревенскую красавицу, потискать её грудь большую и нежную, около её калитки, и она не оттолкнула сегодня его руки... И всё, вот она уже бежит за строем грустных мальчишек, ищет, что он обернется, и ей жутко, что может свидеться уже не придется! А он не смотрит, боится, что эта девочка, ставшая такой близкой, вдруг увидит его слезы...»

Но пронесло, видимо помог ложный десант из брёвен на парашютах севернее Вязьмы, отвлек на себя авиацию противника. Внизу треугольник из костров, капитан вопросительно кивает пилотам, те смотрят в полетную карту, переговариваются, машут отрицательно. – Не то место. Ложные костры! Неделю назад две группы нашей разведки скинули на такие площадки. Обе группы были уничтожены фашистами. Кто-то сдал им наши условные посадочные знаки...

После этого система сигнальных ночных огней сильно усложнилась. Это были сложные, заранее оговоренные фигуры. В это раз была буква «Г» из семи костров. Через какое-то время команда, зум и красная моргающая лампа.

Суржиков прошел по салону, проверил пристегнутые к тросу карабины.

– Приготовиться к прыжку! Капитан прощелкнул свой карабин рядом с коушем натяжки троса, открывает дверь – ледяной ветер рвет и замораживает его лицо, руки, даже сквозь рукавицы, а через секунду уже перестаёт чувствовать тело. Язык с трудом ворочается. Тело немеет. Бойцы встают, нервный озем, смех, матюки. Мальчишки. Такие напряженно-сосредоточенные простые русские лица. Вот у этого лицо все в веснушками, а у этого нос вздернут, а губы бледные сжаты. Кто они? Вчерашние студенты, школьники, трактористы, пацаны со двора.

Подходят к обреза двери, его рука на плече бойца, хлопок по спине: -Пошёл, пошёл, пошёл...

Бойцы вереницей проваливаются в чёрный мрак за дверью, как будто в ад. Их сразу сносит влево ледяной шторм потока. «Кэп» проверил встёжку своего карабина, дернул за фал, тросик пружинисто скакнул вниз-вверх, и крепко прихватив края дверного проема, рванулся вперед, в чёрный ледяной поток за бортом...

2

Генерал Левашов Александр Фёдорович грузил десант в самолёты пятую ночь. Днём пытался спать, но не удавалось. Приходили ординарцы, посыльные, командиры батальонов и бригад. Звонки и доклады Жукову.

– Разгромим фашистов, отдохнем! -убеждает он себя, но тут же хмыкает с сомнением. Сейчас самое важное гнать от Москвы обнаглеших фрицев, пока они не опомнились после Волоколамки!..

Вспомнил жену и дочку. Полгода не виделись. Остро захотелось их обнять. Задохнулся от жгучей любви к ним. Потряс головой. Некогда... Вот, что сейчас важно! Он смотрит доклады и отчеты по десанту. Восемьдесят самолето-вылетов. Тысяча двести десантников посадочным способом уже расширяют захваченный плацдарм под Вязьмой.

С крайним самолетом полетит и он...

3

Рвануло вверх открывшимся куполом, ППШ пошёл вниз, сорвавшись ремнем с плеча. Спасла двухслойная бечевка, которой притянул оружие за ствол, ниже магазина, к вертикальным ремням спасательной системы. Покрутило на закрученных стропях два оборота. Раскинул широко руки, удерживая их от встречной закрутки. Тьма была беспросветной. Даже в самолете была подсветка от приборов. Чернильная мгла впитала его в себя, глаза не различали ничего. Через какое-то время появились чёрные пятна леса и светлые поля. Михаил затащил свободные концы влево от набегающего мрачного пятна леса. Только не на деревья!

Перед самым приземлением развернулся в подвесной системе лицом к ветру, становясь на «малый снос», накрест перехватив свободные концы. Удар ногами о землю, падение на бок, перекатился через спину. При ударе подвернул стопу правой ноги, хотя и старался сжимать валенки вместе...

Резкий ледяной ветер пытался повалить опять его на землю, дернув стропами наполненного купола. Ему удалось устоять, с огромным усилием забежал вправо от купола по глубокому снегу. Освободился от грудных и ножных обхватов. Отвязал ППШ, выбил из кобухи снег, потряс магазин, вщелкнул в окно пулеприемника. Проверил в кармане ватных штанов «ТТ». На месте, пристегнут ревшнуром к поясному ремню.

По полю мелькали серые тени бойцов и парашютов. Попер через снег к ним. Помогал отцепиться от купола, готовить и заряжать оружие в темноте. Всех, кого собрал капитан Суржиков, а их было около 50 бойцов, отвёл на окраину леса. Здесь не разжигая костров два часа протряслись от лютой стужи до серой зари. Кутались в купола по несколько человек, хлопали себя и друг друга по плечам и спине. Боролись вспоминая приемы самбо.

Как только чуть-чуть просветлело, два отделения пошли по полю и лесу искать мешки и контейнеры с лыжами и боекомплект. Лыжи собрали на целую роту. Контейнеры с боеприпасами были разбиты, но собрать патроны и магазины в снегу не было проблемой. Разобрали и подогнали лыжи и палки. За ночь все парашюты стащили в лес и закидали снегом. Стоило остановиться, как лютей холод схватывал за бока, студил лицо, не помогала шерстяная маска. Построились, провели переключку личного состава.

Из двух групп не досчитались больше взвода. Пропал, также прыгавший с первой группой комиссар! Бойцы выбирались к комбату из леса поодиночке и группами и надежда, что комиссар где-то с ними, и скоро выйдет оставалась.

У нескольких бойцов (у пятерых) на ярко-белых маскировочных штанах расплзлись жёлтые пятна. Они стыдились этого, старались закрыть эти места коротким подолом белой куртки, или оружием. Никому в голову не пришло позорить их, или высмеять. Для кого-то это был первый ночной прыжок, для кого-то просто первый и сразу ночной, в страшный мороз, и сразу в тыл врага. А для кого-то и...

Суржиков приказал бойцам срочно переодеться. Тюки со снаряжением и обмундированием уже нашли и притащили на санках. Разожгли костры, переодевались, грелись, пили горячий чай. Всем в крышки котелков плеснули по глотку спирта.

Капитан сориентировал карту. Выброска получилась ошибочной! На 20 км юго-западнее запланированной точки!!! Около деревни Таборы! Все-таки те костры были наши! Суржиков материл летунов, жестко по русски, по матушке...

Связисты по рации говорят с командирами десантированных групп. Связь отвратительная. Ближайшие группы были еще дальше от нужной точки. От 5 до 10 км.

Суржиков был относительно ближе всех к запланированной зоне высадки. Решили готовить это поле для десантирования посадочных групп. Отсюда развивать наступление. Бойцы других групп проинформирован и должны были подтянуться к ним. На окраину поля вышли

два взвода второй роты. Ещё через три часа группа в 15 бойцов. Собралось около 300 десантников. Пока ждали посадочные группы, десантники расчистили длинную площадку в снегу, для транспотных самолетов.

Три группы разведчиков по 12 бойцов провели рейд по ближним деревням. Сходу уничтожили в Таборах немецкий гарнизон. От местных жителей стало известно, что начальник политотдела 8-й ВДБР батальонный комиссар И. А. Горохов и двое офицеров попали в руки нацистов. Приземлились на окраине села Щербинино, прямо перед немецкой казармой. Их повесили вчера на площади, согнав всех жителей для устрашения. За это десантники в Щербино и Ковалево растреляли всех старост.

На избах сельских управ везде вывесили красные флаги. Весь следующий день встречали десантные борта бригады подполковника А. А. Онуфриева.

Начальнику штаба 4 ВДК: « Установили связь с Большой землей, бригада подполковника А. А. Онуфриева приступила к активным действиям, широко применяем обходы и охваты. Гарнизоны нацистов уничтожены в деревнях Семеновское, Гвозденково, Мармоново, Дягилево, Савино... Во взаимодействии с партизанами за 8—10 февраля разгромили штабы неприятеля, убиты до 2000 солдат и офицеров (в деревне Мармоново противник оставил 330 трупов), захватили 64 мотоцикла, 40 полевых и 9 зенитных орудий, 13 радиостанций, большие запасы боеприпасов, 7 складов с продовольствием, ценные документы, боевые знамена, 18 танков, проходивших ремонт, более 200 различных автомашин, включая два автомобиля, переоборудованных под камеры-душегубки.»

Командующему Западного Фронта генералу армии Г. К. Жукову: «10 февраля 8-я воздушно-десантная бригада и отряды партизан заняли район Моршаново – Дягилево, где разгромили штаб 5-й немецкой танковой дивизии, захватив при этом многочисленные трофеи. В тот же день мы поставили об этом в известность генералов П. А. Белова (комбриг кавалерийской бригады рейдирующей в тылу фашистов уже месяц и М. Г. Ефремова (командир 33 армии). Им было указано увязать свои действия с командиром нашей бригады, штаб которой находится в настоящее время в Дягилеве.»

4

Оперативная информация немецкого генерала к. типпельскирх, начальнику штаба 4-й полевой армии.

«Передовые отряды проводившего охват противника достигли района северо-западнее Вязьмы. 9-я полевая и 4-я танковая армии были почти окружены. Снабжение их осуществлялось по железной дороге Смоленск – Вязьма – Ржев – Оленино, которой с юга также угрожал противник. Если бы эта железная дорога была перерезана между Смоленском и Вязьмой, то судьба обеих армий была бы решена. Но даже когда такую опасность удалось предотвратить, положение остаётся довольно отчаянным. Об отступлении теперь не приходилось даже и думать. Падеж лошадей и выход из строя механического транспорта, вызванные предыдущим отступлением, нехваткой фуража и перенапряжением [людских усилий], настолько снизили подвижность многих соединений, что дальнейшее отступление, если бы даже гитлер дал на это согласие, здесь и на многих других участках фронта привело бы к тяжелейшим потерям в технике и соответственно еще больше снизило бы боеспособность войск...»

5

Генерал армии Г.К.Жуков генералу Левашову приказ: «Передать с 10 февраля 1942 года 4-й ВДК в составе оставшихся в тылу 9-й и 214-й ВДБР Западному фронту. Продолжить с 16 февраля выброску частей западнее Юхнова, а после сосредоточения сил выйти на шоссе Юхнов – Рославль и соединиться с дивизиями 50-й армии, наносящей встречный удар.»

Однако выполнение плана пришлось задержать на несколько суток из-за неблагоприятного развития обстановки род Ржевов, что потребовало срочно усилить войска 29-й армии западнее города батальоном 204-го ВДБР, для чего была задействована транспортная авиация. Центром района десантирования 18 февраля была выбрана площадка восточнее деревни Желанье (50 км северо-западнее Юхнова), где действовал партизанский отряд полковника М. Г. Кириллова, в прошлом комдива-38 стрелковой дивизии. Штаб Западного фронта определил условный сигнал места выброски тот же – семь горящих костров, выложенных буквой «Г».

Командир 4-го воздушно-десантного корпуса А.Ф.Левашов получает новые разведданные о противнике в районе новой выброски. На основании полученного договаривается: «авиагруппу транспортной авиации переподчинить командованию десантников, подмосковные аэродромы надежно прикрыть силами зенитной артиллерии и истребителями 6-го АК ПВО. Особенно усилить южный и юго-восточный пригороды Москвы, где дислоцированы части 4-го ВДК.»

Грузы теперь тщательнее упаковывались в тару, а сброс мешков с грузами одновременно с десантниками позволял их быстрее обнаруживать в снегу. Лучше оказалось организовано материальное обеспечение парашютистов, командование учло накопленный за зиму опыт.

Для выполнения поставленной задачи в ночь на 19 февраля транспортные самолеты сделали тридцать успешных вылетов. Несмотря на сильное противодействие неприятеля (ночные истребители, зенитная артиллерия). Наши экипажи выполнили 555 вылетов за линию фронта, из которых успешными признали 414, в ходе чего выбросили 6779 бойцов и командиров, а также 1431 десантных тюков с военным снаряжением. Наибольший объем работы – примерно 42% всей – выполнила группа В. М. Короткова – МАГОН ГВФ. Операция по высадке корпуса была завершена 25 февраля. К этому времени командиры собрали немногим более 4 тысяч (1350 человек из 9-й ВДБР, 2239 человек из 214-й ВДБР, а остальные принадлежали отдельным десантным подразделениям, включая части усиления 4-го ВДК и подразделениям 8-й ВДБР, которых не успели задействовать в январе. Остальные бойцы, скорее всего заблудились при приземлении в темноте и были уничтожены фашистами.

Десантников в плен не брали...

6

Из рассказов жителей сёл Алферово, Уварово, Панас, Бессоновка о судьбе бойцов 8 ВДБр:

– Летал самолет, почему-то днем, кружил долго, по-над полем, из него парашютисты посыпались. Не туда их кинули, видно промахнулись. Парашюты открылись. Немцы у нас на селе по углам четыре зенитки поставили. Никому спуститься живыми не дали. Всех в воздухе постреляли. Мы потом на поле ходили. Двадцать семь их насчитали...

– Снайпер сидел немецкий в ёлках, на самой высокой в верхах. А наши парашютисты выходили из леса, двенадцать человек. Всех рядышком их и положил. Так жалко было, ребятки все молоденькие... -На деревьях много было пострелянных с парашютом и так... Наши, десантники...

– Ходили, бродили они по лесу, деваться некуда, еды нет, вышел кто... Немцы хватя его и стреляли... -Девчонка наша, Настя Тарасова, подобрала одного парашютиста с ногами обмороженными. Молоденький такой... С Горьковской области сам. Долго она его у себя сохраняла. Лечила значит. Пока наши не пришли...

– Когда наши стали парашютистов кидать кожин день, так немцы к нам у хату битком набились. Даже в коридорах сидели. Нас выгнали:-матка уходи! Так во всем селе, всех повыгоняли. А потом армия Белова пришла. Всё у них белое и орудия и одёжа, от снега не отличишь, так ночью самолеты немецкие прилетели и бомбили нас. Мы в окопчике с солдатиками хоронились. Но не сгорело тогда село. А рядом много деревень сожгли...

23 февраля 1942 года Командующему Западным Фронтом генералу армии Жукову Г. К. «Сегодня под деревней Озеречня вражеским огнём сбит самолет с командиром четвертого десантного корпуса генерал-майором Александром Фёдоровичом Левашовым. Он лично управлял боевыми действиями в районе выброски десанта. Вместе с ним на борту находилась группа офицеров его штаба.»

24 февраля. Генерал-фельдмаршал фон Клюге докладывает начальнику генерального штаба сухопутных войск генерал-полковнику Гальдеру: «Постоянное усиление вражеских частей в тылу фронта группы армий и связанное с этим нарастание партизанского движения во всем тыловом районе принимают столь угрожающий объем, что я с большой серьезностью должен указать на эту опасность. Чтобы своевременно устранить ее, необходимы немедленные меры с привлечением крупных сил... Надежда, что вражеские соединения не выдержат приближающегося «периода распутицы» из-за плохого снабжения, является ошибочной, так как противник находится чаще всего в районах, наиболее богатых в хозяйственном отношении...

Штаб группы армий надеялся устранить партизанскую опасность, как только будет укреплен фронт. Однако события последнего времени делают эту надежду все более несбыточной. На многих участках фронта русские в последние дни проявляли необычную активность, так что все наши силы действовали с полной нагрузкой и нельзя было снять с фронта соединения, находящиеся в подчинении командующего тыловым районом и срочно необходимые ему полицию, части «сс», охранные соединения, строительные соединения.»

В это самое время немцы стянули к Вязме крупные силы, чтобы по частям разбить наши войска в своем тылу. Начали они с группы П. А. Белова. Павел Алексеевич зафиксировал в журнале боевых действий: «25 февраля гитлеровцы предприняли решительное наступление. Их танки и пехота нанесли сильные удары по правому и левому флангам наших войск... Сво-

бодных резервов у меня нет...» Наши саперы-подрывники устроили диверсию на железной дороге у Вязьмы, которую использовал враг для переброски резервов и продовольствия.

Кардинально изменили ситуацию десантники полковника А.Ф.Казанкина. Сразу после десантирования вступившие в бой, оттянувшие на себя значительные силы неприятеля, а проведенные ими диверсии в тылу на дорогах осложнили немцам маневры, в частности, не позволили подтянуть бронепоезда. Имея почти исключительно легкое стрелковое оружие и передвигаясь в глубоком снегу без лыж, (так и не нашли тюки с лыжами), они действовали мужественно и целеустремленно.

7

25 февраля.

Дневник боевых действий генерала П.А.Белова:

«Начав наступление, десантники добились заметных успехов. За трое суток они с боями овладели населенными пунктами Ключи, Дергочная, Татьянаха и Жердовка (во всех имелись крупные гарнизоны неприятеля).

Через небольшое время нескольким разведчикам 9-й воздушно-десантной бригады удалось даже пробраться через Варшавское шоссе и установить связь с частями 50-й армии. Таким образом, парашютисты почти выполнили то, что от них требовалось (замкнуть кольцо окружения Ржевско-Юхновской группировки врага). Но 50-я армия не смогла прорвать фронт и соединиться с десантниками».

Бои с врагом, особенно за населенный пункт Ключи, отличались исключительным кровопролитием – в составе 4-го ВДК на 1 марта осталось в строю около 2400 бойцов и командиров.

Первоначально планировалось, что действия десантного корпуса в тылу врага продлятся не более пяти суток, затем этот срок увеличили до четырнадцати суток, а реально героическая борьба в тылу врага продолжалась еще четыре месяца.

За это время стали ощущаться недостаток боеприпасов и продовольствия, трудности с эвакуацией раненых, другие проблемы. Однако значение боевых действий в тылу врага трудно переоценить. Это стало одной из важных причин, по которой гитлер и его генералы отказались от мысли организовать новый «поход на Москву» в 1942 году.

Оставшись в тылу противника, 4-й воздушно-десантный корпус во взаимодействии с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом Белова и частями 33-й армии Ефремова, вёл активные боевые действия.

В начале апреля корпус перешёл в подчинение генерал-майору П. А. Белову. Объединённая группа овладела районом южнее Вязьмы и удерживала его до конца мая, сковав семь немецких дивизий. В ночь на 26 мая группа прорвала кольцо окружения и двинулась в направлении Кирова, действуя по немецким тылам...

Слава и вечная память десантникам четвертого воздушно-десантного корпуса. В жестоких боях под Вязьмой зимой 1942 года воздушно-десантные войска получили суровый опыт. Их подвиг, как и подвиги всех защитников нашей Советской Родины в разгроме немецко-фашистских захватчиков под Москвой никогда не будет забыт!

Мы, по сути, крайне мало знаем о страницах операции под Вязьмой. О её трагичности, и жестокой необходимости.

«Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» И они ни на секунду не сомневались в этом, потому что: «Никто кроме нас!»

Копытов Г. Л.

01.04.2020

Рабочий Полк. Тула 1941 год

повесть

«Это память опять от зари до зари
Беспокойно листает страницы...»

Дудин М.

«На всю оставшуюся жизнь
Нам хватит подвигов и славы
Победы над врагом кровавым —
На всю оставшуюся жизнь...»

П. Фоменко, Б. Вахтин

«Тула веками оружие ковала!...»

Гимн Тулы В. Гурьян

Героическим защитникам Тулы и Страны, работникам тыла, моей маме,
бабушке Кате,
деду Михаилу,
Посвящаю!

1

Двухэтажный каменный дом дореволюционной постройки, вдруг подпрыгнул и изнутри во все стороны, через окна, полетели со страшной скоростью обломки, мусор, пыль и серый дым, и толстые стены, замедленно, распались наружу...

Он шел именно в эту сторону и не дошёл, какие-то сто метров. Его очень удивило, что люди почти не отреагировали на этот взрыв среди ясного неба. Никто не залёг, не побежал за угол, но только беспомощно озирались вокруг и ошалело смотрели в небо. Люди не верили, не хотели верить, что такое может быть. Даже не обратили внимание на два чёрных самолёта высоко в зените.

Он не понял тогда ничего, испуга не было. Руки и ноги затряслись только после того, как запоздало заревела сирена воздушной тревоги, и зенитная батарея З-К с площади Московского вокзала начала монотонно отбивать чечетку 76 миллиметровыми стволами.

Когда же это было?

Конец августа 1941 года, он шёл на Московский вокзал взять билеты до деревни Лаптево, где его группа была на сельхозработах.

Всеволод Комолов в прошлом, совсем не военном году, поступил в Тульский Механический Институт на горно-строительный факультет. Закончил первый курс.

А еще раньше 22 июня, по всем репродукторам Вячеслав Михайлович Молотов объявили о Войне...

Им всем казалось тогда, что война, это где-то далеко, не про них, и она «никогда не доберётся сюда»...

Доехал на поезде до станции Лаптево, а потом шесть км пешком по перелескам. Студенты собирали поздние яблоки и картошку.

Догулять каникулы не дали. Фронту и городу необходимы продукты.

Деревенский пейзаж, простая работа, отсутствие войск и бронетехники расслабляли сознание.

Единственная проблема-это странная девочка из группы, которая нравилась ему, но не желающая воспринимать его ближе. Второй год он не оставлял попыток подружиться с одноклассницей Зиной, но у него ничего не получалось. Не понимал её упрямства и не желания дружить, но уверенно знал, что ухажера (хахеля) у неё нет!

Через полтора месяца преподаватель объявила, что взят Орёл и всем необходимо срочно выбираться домой на попутных машинах, или пешком. Все машины были на фронте, или на уборке урожая.

Надо было пройти до железной дороги шесть километров. Но пассажирские поезда не ходили, только товарные и с военными грузами. Поэтому предстояло пройти пятьдесят километров пешком.

3 октября 1941 года. Студенты поделились на группы по 4..5 человек. Так было легче идти и проще просить у колхозников еду и ночлег. То и другое давали редко. Но важно, что на такую маленькую группу врядли позарится и обстреляет немецкий самолет...

2

Её звали Зинаидой. Зина Шамотина. В группах их факультета девочек было крайне мало. Специальности строго мужские. Горный инженер.

Их было три девочки на 27 мальчишек – наглых и колючих.

Зину он впервые заметил у стенда со списками учащихся, зачисленными в институт. Нашёл в списке свою фамилию, удовлетворенный повернулся, а она смотрела сквозь него на тот же самый список. Была поглощена желанием скорее увидеть свои результаты, напирала на него большой грудью и отстранила рукой... -Сумасшедшая! – подумал Сева:– Неужели в нашу группу!?

Потом неоднократно удивлялся тому первому негативу который он испытал к Зинаиде...

На 23 годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции, в актовом зале института была официальная часть, где они вместе сидели в президиуме на сцене, как активисты. Зина была секретарем в профсоюзном комитете института, а он был старостой и комсоргом группы. Необходимость, порой, пересекала их пути, но он держался сухо и официально. И Зина никак не проявляла себя.

После докладов, был бал. Профорг вдруг сама пригласила комсорга на танец. -Что это, Вы, вдруг Зинаида Семёновна? -удивился он в конце танца. Ответ был странным:

–Пусть видит весь институт, Севка, какой у нас дружный комсомольский и профсоюзный актив!

Выходка странная. Он решил было, что это такой у неё закадрёж особый.

Но после этого между ними ничего не происходило. Он попытался пару раз проводить её после занятий до общежития. Но первый раз Зина шла от него в двух шагах, словно не вместе, а во второй – наотрез отказалась!

3

В начале октября в деревне Лаптево несколько групп института, в том числе и его, собирали яблоки и картофель. Им объявили, чтобы сами добирались до Тулы. Ходили страшные слухи что немцы подошли к Орлу...

Зина «оказалась», в группе с Севой. Сама попросилась...

Два дня они добирались до Тулы.

Однажды под вечер, когда уже прошли перрон станции Ревякино, вдруг с окраины леса, неожиданно заработал спаренный зенитный ДШК. Расчет был удачно замаскирован, слышно только, как систематически и жестко долбили выстрелы, и видно, как вверх над деревьями улетали отстрелянные ветки.

Совсем близко от них, метрах в двухстах, немецкий самолет успел сбросить на железнодорожный состав бомбу. Промахнулся. Но бомба рванула так, что они все оглохли, а щебень сорванный с железнодорожной насыпи срубал осиновый подлесок над их головами.

Им повезло, что тропа по которой они шли, была в лесной низине и в 50 метрах от полотна. На втором заходе зенитчики самолет сбили. Он загудел истошно-надрывно, поплыл влево, волоча плотный дымовой горизонтальный столб, исчез в лесу и через пять секунд где-то глухо рванул.

Больше ничего особенного, за время перехода до Тулы, не произошло. Слава Богу, под бомбежки они больше не попадали.

Хотя, наверное произошло...

Ночевала группа на сеновале в деревне Федяшево. Найти поесть им так и не удалось. У местных жителей не выпросишь, а просить в Федяшевском детском доме у сирот – они посоветились.

Искупались в пруду- конечно одни мальчишки- вода была холодной, но хотелось отмыться от совхозной грязи, доедали яблоки из своих вещмешков. Яблоки были не сладкие: антоновка, мельба и очень хотелось хлеба.

На сеновал их пустила злая, как Кикимора, бабуленция. Сердито расспрашивала

–Зачем вы в Тулу-то прётесь? Там, поди уже, немцы!

–Нет их там и не будет, наши их не пустят! -Да, пустое говорить-то. Вон пол-России уже под ними! -Бабушка вы что – «кулачка»? Вы не верите, что Красная Армия прогонит фашистов? Вы не верите товарищу Сталину и Партии? -Что? Да у меня два сын на фронте! Агитпроповцы нашлись тут! Сено мне не спалите сигарками! -Бабушка, мы не курим! Мы комсомольцы и спортсмены!

–Это я уже поняла... Поутру когда пойдёте?

–Как солнце встанет...

–Как пойдёте по «чугунке», так лесом по тропинке держитесь, часто немецкие еропланы летают, бонбы кидают!

–Знаем, уже видели! Недалече от нас рвануло! Его красноармейцы сбили!.. -Знайки-все-знайки говняшные, – бормотала бабулька уходя из сарая.

Вернулась она минут через десять. Развернула серую тряпичку, там была пластиночка сала без единой мясной прожилочки. -Берите, ешьте уж, оглоеды! -Никогда не возьмём у пожилого человека последнее! – за всех ответил Севка. -Да берите, перебьюсь, как смогу!..

Мальчишки в сарае улеглись на сене рядом, Зина чуть в стороне.

–Иди к нам, погреем! Замёрзнешь! – подстёбывал Зину Валерка Смолий:

–мы тебя как вчетвером обоймём! -Отстаньте, грейте друг друга, дураки!

Вечером не визжали, как истеричные бабы, фашистские бомбардировщики и «чугунку» не бомбили. Дождь закончился. Все вышли подышать из сараюшки, полюбоваться вечерним закатом. Из мрачно-синего неба светило затекало в бардовый оком зари над лесом. Иногда, за лесом, сверкали рдяно зарницы.

Зина растерянно замерла, глядя на закат и цвет её лица из серого становился розовым. Ушло напряжение с её милого лица. Такой он помнил её по прошлому году. Сейчас она была недоступная и немного странная.

Хотелось взять её за руку и брести по этому огненному лесу, сгребая ботинками сброшенную листву, но что-то не давало этого сделать, возможно эта её детская потерянности и грусть. Вдруг она заговорила: -Немцы взяли Мценск, там мама и брат!...

-О них думаешь?... Может не взяли, Мценск южнее Орла!?

Она кивнула и словно бы ей было тяжело дышать, глотнула резко воздух. Он не представлял, как помочь, как успокоить её. Не было ничего такого, чем можно было эту муку минимизировать!

Он взял её пальчики в свои. Зажатую руку не убрала, но словно и не заметила её. И ничего, только слёзы затекали на ворот её серой кофты. Ни всхлипов, ни спазмов, только две струйки из глаз, по щекам и на отворот. Не меняя выражения лица. Он обнял её и прижал к себе. Так же молча, без рыданий, она уткнулась в его грязный свитер. И спали они также. Она на его правом плече, а он не мог заснуть от неудобной позы и затекшей руки, боясь разбудить её, погружаясь в нарастающую нежность и нежелание разорвать этот случайный «клинч». Боксерская терминология, привычно, первой пришла на ум. Он не воевал с нею, но был уверен, что профорг вела против него странную, непонятную войну, жестко подавляя, даже простенькие попытки, проявления своей и его симпатии!...

А она спала ли? Он не понимал.

4

16 октября 1941 года. Он шел из Заречья в институт пешком. Городской транспорт не ходил.

Он не узнавал своего города. Улица Коммунаров перекрыта баррикадами. На пересечении улиц Советской и Коммунаров солдаты пробили окоп прямо в асфальте. Они подтаскивали в окоп ящики с патронами. Бронебойщик просматривал через прицел противотанкового ружья секторА обстрела вдоль и вверх по улице.

Гражданские собирали баррикады из разрезанных железнодорожных вагонов, сваренных кусков рельсов, вагонных парколес, засыпая это сверху землёй. В другом месте землю набивали в мешки и стопками укладывали друг на друга в два ряда. С южной стороны завалов топорщились в несколько рядов противотанковые ежи. Баррикады перекрывали улицу через каждые 300.. 500 метров, оставались совсем узкие проходы на двух человек.

Севка добрался до института, понимая прекрасно, что лекций не будет, они отменены в связи с военным положением. Но туда тянуло, хотя ползти из Заречья пришлось почти час. Он согревал надежду увидеть там ребят, преподавателей, но прежде всего Зину...

На двери института огромное воззвание написанное тушью на чертежном формате. «Товарищи! Братья и сестры!

Над Тулой нависла угроза нападения. Злобный и коварный враг пытается захватить Тулу, разрушить наши заводы, наши дома, отнять все то, что завоевано нами, залить улицы города кровью невинных жертв, обратить в рабство тысячи людей. Этому не бывать!

Тула, город славных оружейников, не будет в грязных лапах немецко-фашистских бандитов...

Каждая улица, каждый дом станут могилой для гитлеровских псов. Пусть они еще и еще раз почувствуют силу и мощь трудящихся социалистической Отчизны...»

Секретарь обкома ВКП (б) Жаворонков.

И несколько объявлений поменьше. «Туляки, враг у ворот, записывайтесь:

*В Тульский Рабочий Полк. *В истребительные батальоны. *В санитарную дружину.»

Тут же в коридоре первого этажа была огромная очередь. Записывались в рабочий полк. К истребителям народу было поменьше. Они были также подразделением Тульского рабочего полка, но бойцам предъявляли более высокие требования.

Прежде всего учеба в Осоавиахиме, спортивных секциях, особенно стрелковых и парашютных клубах. Необходимо было иметь на руках Комсомольский Билет.

Вы удивитесь, но были тогда и беспартийные, и даже не состоявшие в ВЛКСМ студенты и молодежь! Но и они страстно желали защитить свой город и страну! Но Комсомольский и Партийный Билет давали неоспоримое право пойти в бой первому!!!

Сева не поверил своим глазам. Через десять спин, в своей очереди, он увидел голову Зины. В телогрейке, как все, но со скинутой на спину ушанкой. Профорг отличалась от прочих добровольцев только пшеничными длинными волосами.

Он подбежал, радостно открывая объятия: -Зинуля, ты зачем здесь? – и осёкся. Зина отшатнулась от него. Никакой радости во взгляде, нет удивления от встречи! -Я хочу защищать твой город, если не смогла защитить свой, свою страну, свой институт! – она не запнулась говоря всё это, отчеканила, словно подготовила доклад по международной обстановке.

–Но тебе только 17 лет!

–Тебе больше, что ли? -Ну я хотя бы парень! -Ну и что? А я бросаю гранату на 35 метров, точно в окоп... – Может хотя бы санитаркой в госпиталь?

–Комсорг, ты считаешь, что я меньше тебя ненавижу фашистов? Я тоже хочу их убивать! —

Жутковато было от этих яростных слов, сказанных ледяным спокойным голосом, без истерики, только напряжённые сжатые кулаки! Словно математику отвечала. -Всё-всё, Зинуля! – он попытался улыбнуться и обнять её за плечи, она жёстко отстранил его от себя.

Его взяли в группу истребителей.

Куда попала Зина, он к огромному своему сожалению, не узнал.

5

Пустые цеха, огромные светлые пролеты незаполненного пространства. Редкие станки и несколько рабочих.

Члены комитета обороны Тулы: Жаворонков В. Г., Чмутов Н. И., Суходольский В. Н., Мельников А. К. Жаворонков – секретарь Тульского обкома ВКП (Б) – Председатель Городского Комитета Обороны.

Ходили по цехам ТОЗа и машиностроительного завода.

–Сейчас, именно сейчас необходимо производство оружия, когда враг у порога Тулы! -Но всё производство отправлено в Ижевск. -Нужно было думать наперёд, как в шахматах, хотя бы на один ход вперёд!

–Но всё для фронта, товарищ Председатель ГКО. -Но фронт сейчас здесь. Тулу бросили, как Орёл. Где 238 стрелковая стрелковая дивизия, почему ушла в Алексин!?! -Где войска, где 50я армия? -Скоро придут в город! 156 полк НКВД расквартировался и выставляет свои подразделения на боевое дежурство. – Срочно собрать оставшееся оборудование и начать выпуск оружия. Срочно начать выпуск минометов.

Трубы есть? Необходимо ремонтировать старое оружие, и бронемашин!

–Но, почти нет оборудования, нет рабочих! Все в эвакуации! -Собрать всех пенсионеров, подростков, не покинувших город. Это срочно! Первый миномет в рабочий полк – завтра же! –Есть!

Оставались считанные дни до прихода немцев! На комбайновом заводе делали бронемашин, ремонтировали пушки, катали бронелисты для танков и бронемашин. На заводе МПКС отремонтировали бронепоезда №13 и №16.

Умелец Шишкин переделывал учебные пулеметы в боевые и отдавал их в Рабочий Полк.

Так, как почти все рабочие, ИТРовцы, архивы с чертежами уехали в Ижевск с заводом, пришлось собирать старых пенсионных оружейников. Они рисовали по памяти мелом детали с размерами на стальных листах, и тут же оружие запускалось в производство.

На Ликерово-Водочном заводе вместо водки разливали по бутылкам коктейль «Молотова». «Опохмел захватчика» -называли этот сорт вина сотрудники завода.

В это время бойцы Чернского ИБ под огнем противника организовали вывозку из Черни и Плавска в Тулу около пяти тысячи голов свиней, что потом очень помогло тулякам, находившимся в полу-блокаде с ноября по декабрь 1941 года!

Истребительный батальон Ленинского района вывез с Плавского элеватора 1млн 200тысяч пудов зерна, под непрерывном огнем с земли и воздуха.

6

С 17 по 22 октября. Ополченцам Тульского Рабочего Полка выдали ватники и перевели на казарменное положение.

Оказалось девочек тоже брали в истребительные батальоны! Севе рассказала одногруппница Света Шанина – подруга Зины, что та записалась в один из ИБ.

Тульский рабочий полк состоял из истребительных батальонов. Всего с июля 1941 года в полк записалось около 12000 добровольцев. Но за это время часть из них уже сражались в Красной Армии, часть ушли партизанить. На октябрь Рабочий Полк насчитывал около 1500 штыков.

Это было почти по штатному расписанию боевой комплектации полка. Мальчишки 15—17 лет и не мобилизационные, или сами снявшие с себя «бронь» мужики по 50—60 лет.

Дивизии 50й армии, выходящие из окружения, имели в наличии от 200 до 1000 бойцов. Не в полку, в дивизии!!!

Тульский рабочий полк вместе с горожанами строил оборонительные сооружения вокруг Тулы. Копали противотанковые рвы, заливали бетонные доты, устанавливали ежи и проволочные ограждения.

С 23 октября

весь Рабочий Полк забрали для проведения усиленных занятий по огневой подготовке. Бойцов Ополчения учили стрелять из винтовок, пулемета Максима, учили штыковому бою, метанию гранат и бутылок с зажигательной смесью.

С противотанковым ружьём у Всеволода не заладилось. Не хватало силы таскать его, и выбивало плечо откатом ружья после выстрела. Фиксировать при выстреле приклад не получалось, рефлекторно, от боли, закрывал глаза. За что усваивал матерную ругань инструктора. Три раза не попал по стальному листу со ста метров.

В ПТРщики ставили мужиков постарше и покрупнее. Противотанковое трофейное ружьё, хотя и было небольшого калибра 7,92x94, но патроны имелись с увеличенной пороховой навеской, и само оно весило 12 кг. Так что, бронебойщика из Севки не вышло, как сказано у граждан Ильфа и Петрова: "пришлось переквалифицироваться в... вольные стрелки.»

В прошлом году в Севке было 72 кг, он занимался боксом и дрался на городских соревнованиях в этой весовой категории. Сейчас не больше 60 кг. Перенос оружия и боеприпасов от позиции к позиции давались ему с трудом, одышкой и потемнением в глазах. Поесть дома не всегда было возможно. Терли на теруны мороженный и гнилой картофель, пили морковный чай. Хлеба дома почти не было.

В ополчении кормили лучше и чаще, но за неделю он ещё не успел отъестся и прийти в себя. Рабочий полк был на казарменном положении, но ему удалось два раза сходить домой и отнести вещмешок с консервами и хлебом маме и сестре.

С трудом отпросился у командира взвода.

Чувство непреходящего голода не покидало его с момента, как вернулись из совхоза

Иногда с ними занимался Комиссар – Агеев Григорий Антонович политической подготовкой, пояснением ситуации в стране и место Тулы, как последнего защитного рубежа Москвы

в Орловско-Брянской операции. Что такое операция «тайфун», которая по замыслу фашистов должна смести все советские войска до Москвы, чтобы фашисты встретили 7 ноября – Праздник Нашей Великой Октябрьской Революции – в нашей Москве.

Комиссар объяснял, что против них стоит 2ая танковая армия гейнца гудариана и что щадить они никого не будут, особенно коммунистов и комсомольцев.

В этот день вышел приказ ГКО о создании Тульского Рабочего Полка. В него свели 27 истребительных батальонов, собранных на этот момент. Рабочий полк состоял их трех батальонов, командирами которых стали: первого – Е.И.Хохлов, второго – Н.П.Ведерников, третьего – А.А.Елисеев; комиссарами соответственно были – И.Я.Богомолов, Ф.А.Линяев, Е.П.Ховаев.

24 октября. Объявили осадное положение в городе. С 24 по 28 все бойцы ополченцы рыли полно-ростовые окопы на южной окраине Рогожинского поселка и запасные в районе поселка Красный Перекоп.

26 октября получили личное оружие. Сева радовался русской трехлинейке, что не досталась французская винтовка Лебеля – длинная и неудобная-их было много на складах.

29 октября.

Прошли слухи, что немецкая разведка прокатилась на трамвае Косая Гора-Тула.

Немцы без боя захватили поселок Косая Гора и Усадьбу Ясная Поляна, поселок Щекино. Это 26 км от Тулы.

Основные силы, которыми располагал ГКО Тулы на этот момент: 156 полк НКВД – командир майор Зубков С. Ф. -900 штыков на южной окраине Тулы, там же Тульский рабочий полк 900 штыков, плюс 600 бойцов ИБ. 732 зенитный полк ПВО-рассредоточил свои 16 батарей по периметру города на самых опасных направлениях.

Это: юг, юго-восток, юго-запад. Батальон милиции закрывал рубежи в районе поселка Михалково. Порванные подразделения 50й армии, под командованием генерал-майора Ермакова Аркадия Николаевича, только выходили из окружения на окраины города и сразу же занимали подготовленные ГКО Кравченко оборонительные позиции вокруг Тулы.

Против этих разрозненных и небоеспособных соединений было более 100 танков 3,4,17 танковых дивизий, 26-ой моторизированной дивизии 2ой танковой армии гейнца гудариана. Все машины с буквой «g» на броне. И элитнейший пехотный полк «великая германия» в 5000 штыков.

В Механическом институте был устроен штаб Рабочего Полка. Командир полка – Горшков Анатолий Петрович – капитан госбезопасности СССР. Начальник штаба – Сосонкин Б. М. Подходы и автодороги с южной стороны плотно минировались. Но оставлялись проходы, для выходящих из окружения красноармейцев. Это сослужило потом плохую службу. Ни одна мина не сработала!...

Весь день, с самого утра, шел мерзкий холодный дождь. Вечером поступила команда занять участок обороны.

Бойцы рабочего полка заполняли окопы. Перед окопами бескрайнее поле, позади деревянные дворы Рогожинского Поселка.

Сева был во втором батальоне Ведерникова. Бойцы были разновозрастные от 15 до 55 лет.

Было холодно и грязно. Руки стыли в рукавицах. Сева трясущимися руками раскладывал на полочках в стене окопа обоймы с патронами к своей «Мосинке» 20 штук (100 патронов), 5 бутылок с зажигательной смесью, 5 «противопехоток» РГД-33 с закрепленными на них осколочными рубашками, и две счетверенные противотанковые связи. В центре РГД без

«рубашки» и поверх четыре тротильных банки. Вчера их увязывали отождённой сталистой проволокой – готовили саперы и сами бойцы. Рукоятки с запалами УЗРГ были выкручены и лежали в отдельной связке рядом.

По окопам всё время кто-то ходил. Слышался разговоры и смех бойцов. Не было обреченного чувства, что скоро начнется страшное.

В 20—00 со стороны Ново-Басово начался минометный и танковый обстрел позиций Рабочего Полка. Снаряды и мины, не долетали, то перелетали. Шла пристрелка позиций полка.

В темноте, около часа ночи поступила команда отойти на запасные позиции. Появились разведанные об утреннем авиа- и артобстреле.

В темноте Сева собирал патроны, бутылки, гранаты, скидывал в противогазную сумку, в вещмешок. Раскладывал по карманам телогрейки. Но это всё не влезало. Он не успел обзавестись лентой для обойм, как у некоторых. Поэтому всё тащил в руках, спотыкаясь в темноте. Когда вышли на Перекопские позиции, не досчитался двух обойм!

Кто-то рассказал, что конную разведку полка – кавэскадрон, в Ново-Басово немцы уничтожили почти полностью. Расстреляли из танковых пулеметов. Сумели вырваться два конных разведчика, которые доложили Кравченко о ситуации и обнаруженной численности противника.

В кромешной темноте, натываясь друг на друга, наступая на пятки впереди идущих бойцов, ополченцы отходили на запасные позиции в посёлок Красный Перекоп.

30 октября. В 6:00 начался артиллерийский и авиационный налет по старым позициям на окраине Рогожинского посёлка. Не зря их отвели вчера!

Грохот стоял такой, что в окопах на Красном Перекопе, в полутора километрах, не было слышно друг друга.

Через 30 минут налёт закончился, отдалился гул самолетов, долбёжка зениток прекратилась. По порядкам волной прошла команда. -На исходные позиции, бегом марш!

В этот раз Комолов был готов и бросился вперед. Весь боезапас равномерно распределен по карманам и в вещмешке. Обоймы в нагрудных лентах. Выпросил у начхоза.

Подошвы старых сапог проскальзывали в жидком глинозёме. Он не стал брать новые сапоги на складе. Там были только от 44 размера. А эти домашние были, хотя бы, привычны и по ноге. В них ездил осенью этого и прошлого года на уборку урожая, рыл в них окопы. Внутри шерстяные носки, связанные мамой, а сверху теплые портянки.

Через 15 минут были уже в своих окопах. Это был длинный общий глубокий ход. От него откопаны стрелковые ячейки на одного бойца, через каждые 5—10 метров.

Всеволод уже знакомо раскладывает боекомплект по полкам. Его личная задача – вести огонь по пехоте. При необходимости, по команде комвзвода, помогать противотанковому отряду.

Вдруг качнулась земля-матушка. В пятидесяти метрах встал взрыв раскидывая землю далеко в стороны. Тяжкий гул, металлический лязг, визг полетевших мин, накрыл второй батальон Рабочего Полка.

–Танки! – кто-то ошарашенно взвизгнул. Другой голос – спокойной и властный (похоже на комвзвода): – Приготовиться к бою!

Севе очень не хотелось вылезать из окопа, над ним несколько раз что-то пролетело с мягким шелестом и тошнотворным жужанием. Он приподнял глаза над обрезом бруствера.

Далеко по всему бескрайнему полю двигались какие-то чёрные, коптящие грязным дымом коробки. Иногда они плевались огнем. Их было очень много, страшно было считать. Сева выложил на бруствер ствол своей трёхлинейки.

Справа начал бить, закопанный по башню, КВ-1 без двигателя – последний танк Одиннадцатой Танковой Бригады. За Орловским шоссе заработали две 85 миллиметровые зенитки старшего лейтенанта Волнянского Григория и комиссара батареи Сизова. Это были 6 и 10 батареи 732 полка ПВО – командир полковник Бондаренко.

На поле между чадящими коробками вспухли разрывы, задымились восемь коробок, бивших в сторону тульских ополченцев не пустыми жестянками. Позади танков появились фигурки немецких солдат.

Со всех сторон давила слух трескотня стрельбы. Справа заработал «Максим» 2 взвода, его поддержал «Дегтярь» ДП-27 первого взвода. Вовремя. Фигурки залегли, танки стали отползать.

В этот момент Севка понял, что не стреляет!

Ужас затекал в его сознание через глаза, фиксировал этот гипнотический ад. Будто кинокадры о гражданской войне, боях с белофинами или на озере Хасан. Это отнимало осознанность и волю!

Восемь танков подбили зенитчики!!! Восемь черных, грязно коптящих, в небо стальных зверей. Молодцы зенитчики!

До немецкой пехоты было больше 500 метров, но Севка выпустил по отходящим фашистам обойму, не надеясь на попадание. Прицеливаться не получалось – ходуном ходили руки на шейке приклада, указательный палец, в толстой рукавице, неуклюже дёргал спуск.

Сполз в окоп, рукояткой откинул затвор назад, выдал большим пальцем патроны из обоймы в приемное окно магазина, затвором дослал верхний патрон в патронник. Осторожно выглянул над бруствером. Стояла звенящая, опустошающая тишина, может быть оглох?

Тишина была страшной...

До этого он видел только, то что было впереди, как будто в трубу смотрел, а бокового зрения не было. Плотный густой туман справа и слева. Он потряс головой, посмотрел вправо. Справа ячейку занимал сокурсник из механического института Степка Хорин, вместе занимались до войны боксом. Слева – пожилой оружейник дядя Семен. Соседи смотрели вдаль и не стреляли. Никто не стрелял. Немцев не было.

-Ура! – неуверенно понеслось по окопам. Бойцы радовались первой победе. Кто-то запел Интернационал: -Вставай проклятьем заклеянный...

Но рано, вдруг справа из ложины вырвались черные силуэты с крестами, не меньше 20 штук. Стреляют куда-то. Две зенитки лейтенанта Григория Волнянского в этот момент замолчали. Почти весь расчет батареи был уничтожен. Выжил в этом бою, только комиссар Сизов.

Бьет окопавшийся КВ1, хлопают противотанковые ружья. Первый, второй, третий танк загораются, остальные сползают назад.

И опять тишина звенящая. Севка ругает себя: -Следи за пехотой, за пехотой! Не отвлекайся на танки!

Тишина прожила до двух часов дня.

В это время бегал батальонный старшина и разносил в котелках горячую похлебку и хлеб, кипяток с колотым сахаром. Ложка, завернутая в платок, лежала в сапоге.

Севе казалось, что он сильно простыл. так было ему холодно, словно трясовица напала. Он грел руки о котелок, хлебал горячее, но не помогало. Пришли обедать к нему соседи. Севке не хотелось говорить, что-то происходило в нём. Перестраивалось, перебаловало. Психика пыталась встроиться в рваные волны беспощадного урагана, который жестко накрывал его сегодня несколько раз.

Оружейник Семен Сергеевич хлопнул по плечу:– не дрейфь, пройдёт! Однокурсник уже акклимался и болтал без умолку: -Слышал анекдот про гитлера и муссолини?...Значит, лежат они в постели...

-По местам! – вдруг заорал комвзвода: -К бою!

Как вспышки, замелькали одно событие за другим.

Черные стальные звери застряли в ста метрах перед противотанковым рвом. Они осыпают окопы рабочего полка градом пуль из пулеметов. По ним бьют шесть ПТР ополчения. Но вдруг два танка появляются слева в низине. Там почему-то ров не дорыт и не соединен с остальными. Танки в 30 метрах перед окопами. Они давят проволочное ограждение, сталкивают бетонные пирамиды надолбов в ров.

Командир отделения Пётр Саликов успеваеет подбить оба танка, но сзади вылезают ещё пять, за ними еще. Они косо наезжают на окопы, ползают по ним, давя и засыпая бойцов. Ещё один фашисткий танк пылает, но остальные утюжат окопы ополченцев. Из-за них немецкие автоматчики закидывают окопы гранатами.

Бойцы выскакивают из окопов, и бегут в ужасе куда-то. Не слыша, не понимаю ничего. Танковые пулемёты косяк тех кто выскочил. Сева не помнит как выбрался из окопа, только спины в телогрейках и в гражданских пальто бойцов рабочего полка впереди, и он бежит за ними. Подскальзывается падает что-то мешает ему в руках – это винтовка!

На позициях он забыл и бутылки и гранаты. Не до этого сейчас. Сзади грохочут и догоняют танки. Как в страшном сне, но проснуться не можешь! Пули над головою откалывают от стен каменную крошку.

Новый кадр. Около парка Осоавиахима. На противоположной стороне улицы появляется танк и разворачивает башню с коротким стволом в их сторону. Взрыв вырывает кусок стены рядом, его сечет каменной крошкой и заваливает кроной, неизвестно откуда, прилетевшего тополя.

Следующий кадр. Панический бег продолжается. Сева весь в красной кирпичной пыли...

Следующий кадр. На окраине поселка Красный Перекоп. Комиссар Агеев бегаеет между ополченцами, что-то говорит одобрительно ласково, гладит 15—17 летних бойцов по плечам и голове...

Произошло что-то страшное. Немцы прорвали оборону рабочего полка. 34 танка вошли в город и батальон немецкой пехоты, заняли их окопы и дома на Рогожинском поселке.

Удар был выбран по наименее боеспособным частям – по рабочему полку! У немцев разведка, тоже, не шнапс хлебала.

Без вести пропали больше 20 ополченцев. Второй батальон 156 полка НКВД, так же, панически покинул рубежи. Спас ситуацию Председатель Городского Комитета Обороны Тульского Боевого Участка Кравченко. Он направил в зону прорыва группу истребителей старшего лейтенанта Савчинского – командира 1005 стрелкового полка (400 бойцов). Который, очень вовремя появился в городе. Его группы истребителей уничтожили 5 танков в районе парка Осовиахима.

Один танк заехал на стадион и пытался выскочить в ворота, но застрял в бетонных воротах и был тут же подбит 37миллиметровым противотанковым орудием. Пыташихся выбраться танкистов, бойцы безжалостно отстреливали.

Танк ещё год после этого ржавел на стадионе.

Группа капитана Линькова подбила ещё 8 танков противника. После чего бойцы старшего лейтенанта Савчинского выбили с участка 2 батальона 156 полка НКВД пехоту фашистов.

Фашисты потеряв около роты бойцов, отошли в ложбину около кирпичного завода.

В 16—00

Второй батальон Тульского Рабочего Полка находится на запасных позициях. Бойцы приходят в себя, собирают трофейное оружие.

В 20:00. Около 50 танков и батальон пехоты выдвинулись на позиции боевого участка. Шесть танков загорелись, остальные отошли поспешно...

7

Всеволоду казалось, что ему не избежать трибунала за оставленные позиции. Он даже спросил об этом командира взвода. Тот горько хмыкнул:

– Комолов, а кто воевать будет, если всех посудим!? Вы что, дезертиры или предатели? У вас у всех сегодня – Первый Бой... Да ладно, понимаю всё, немцы подвесили нам сегодня пистюлей, дали просратья!...

– Командир, я бы хотел перейти во взвод разведки! -выдает Севка. -Что, только что штаны успел постирать и сразу же в разведку? Ну молодец, прямо ударник боевого труда! Видно будет... А оружие твоё где, разведчик?

После взрыва свою «мосинку» он потерял.

Севка вздохнул и отошел в сторону.

Под вечер артиллерийский и пулемётный огонь усилились. Батальон переформировался. Пришли новые ополченцы, всё переделанное учебное оружие заменили на трофейное.

Севка забрался в блиндаж командира взвода, пока тот отсутствовал на постановке задачи в штабе полка. В блиндаж набился весь взвод – 25 бойцов. Они курили, пили кипяток, пытались спать прямо на земляном полу, но не получилось. Все вскочили. Вошел комбат и командир взвода.

– Так, срочно троих добровольцев в разведку. Комолов ты, кажется, просился? Тогда выходи. Ещё двое...

Вышли двое молодых ребят, почти его ровесники: -Свичёв, Крагин – молодцы!... Бегом получать ППШ, боекомплект и на постановку задачи!

ППШ бойцы оттирают от масла, набивают улитки дисков, непривычно короткими, «тэт-эшными» патрончиками.

– 72 патрона это 14 перезарядок моей трехлинейки! – восхищается Севка:– и всё в одном диске, целый пулемет! -Херня, -корчится Крагин:-пукалка, 200 метров прицельная дальность. Толи дело «Токаровка» СВТ-40!...

Немецкие трофейные ножи в резиновых чехлах, три ргд-33 с рубашками и по три бутылки с горючей смесью.

Подогнали снаряжение, чтобы не звенело, не грохало. Билеты комсомольские и фото родных оставили в блиндаже.

Чернота ночи подсвечивалась только отсветом взрывов и трассерами.

Артналеты не прекращаются ни на минуту!

Построились на улице перед блиндажем. Комбат: -Ваша задача -разведка и диверсия! Пробраться в расположение немецкого батальона в посёлке Рогожинский. На подходе постараться не вступать в бой. Двигаться скрытно и тихо. Не курить, не разговаривать в голос, только шёпотом на ухо. При движении прикрывать друг друга.

Очень важно – узнать судьбу наших бойцов. Если в плену – постараться освободить!

Если будет возможность – поджечь, или взорвать дома где ночуют вражеские солдаты, технику. Важно также получение любой информации о противнике. Старший группы ополченец Комолов...

(-Есть! – удивленно бубнит Сева)

Возвращайтесь обратно!...

Всё, пошли! —

Странно было Севке. Двенадцать часов назад он чуть с ума не сошел от страха, а сейчас в составе ДРГ сам идет к врагу!?

Страх не было, только нервная зевота. В Рогожском поселке горело несколько домов. Там было очень светло. Немцы ходили группами по 8...10 человек.

Сева с бойцами, перед самым поселком, проползли 200 м по жидкой глине, потом заползли в овраг. По оврагу шли в рост. Вдруг Костя Свичев споткнулся и упал. Лежал на земле, встал на четвереньках и что-то ощупывал на земле.

– Посвети!

– Нельзя Костян, заметят!

– Блять, это же наши ребята! Ушанки со звездами!

Нащупали 14 тел.

– Расстреляли, уёбки!

– Ну, суки-оккупанты, зверьё фашистское! – завёлся Костя:– надо мстить!

– Всё, вперёд, – сказал Сева: – приказ выполним и отомстим обязательно!

Вылезли из балки, проползли в тени домов. Близко слышалась немецкая речь. За крайним, по улице, домом заползли за низкий дощатый забор. В проломах досок видно было пространство впереди на 200 м.

Немцы заходили в большой двухэтажный кирпичный дом справа по улице. Там было не меньше 30 зверьков. Видимо они здесь отдыхали. До этого дома было не меньше ста метров. Гранату не добросишь. Перед домом были окопы и блиндаж, в котором кто-то шевелился и порой сверкала каска.

У здания стояли три грузовых машины и бронетранспортер.

Они лежали почти два часа под этим забором.

–Скоро начнётся рассвет, – сказал Севка:–я пошел!

–Ты что!?! – пытались остановить его бойцы, хватая за руки.

ППШ за спину, в правой руке граната, в левой бутылка. Прошёл 50 метров. Никто из немцев, почему-то, не среагировал. Ещё двадцать спокойных шагов и метнул гранату в окоп, чиркнул трут и метнул бутылку в кузов машины. Сразу же залег и достал вторую гранату и бутылку. Первая граната рванула близко, так что заложило уши. Тентованный кузов грузовика здорово запольхал.

Заработал пулемёт из блиндажа. Пули ложились где-то рядом, вдоль улицы, обкалывая угол за которым он лежал, и летели в сторону где были за забором ребята.

Вскочил, обегая дом, метнул гранату в блиндаж, сразу залёг и отполз. Заглох пулемёт. Из двухэтажного дома, из нескольких окон, во все стороны начали садить из автоматов. Но совсем не туда где находился он. Он вскочил и метнул в ближайшее окно гранату, сразу за ней бутылку и побежал.

В институте он бегал стометровку за 11 секунд. А эти 200 метров до оврага он пробежал, как ему показалось, за 6 секунд. Плашмя упал на живот. Из-за домов выскакивали фашисты. Автомат со спины в руки, 2 короткие очереди слева направо и справа налево. Четверо фашистов опали прошлогодней листвой. –Карацупа какой-то! – улыбнулся он себе.

–Отходим! – крикнул он и побежал по склону оврага. Тут он увидел бегущих ребят – они были ярко освещены и по ним вели огонь немецкие автоматчики. Опять залёг на скате оврага, и стал методично расстреливать дом и окна где мелькали огоньки выстрелов. Справа три окна уже польхали. Севкина работа!

Заметил, как огоньки стали обходить его справа и слева.

– Слева держи! -крикнул он. Заработали ППШ его разведчиков, направо он всаживал короткие очереди, по мелькающим на фоне пожара теням. Зло, не спеша стрелял, как на полигоне.

– За Родину, за Сталина, за пацанов, за Зину! -орал он. Подумал:– а почему за Зину?

Но уже спустился в балку и бежал по дну, за своими разведчиками, видя их спины впереди. Два раза останавливался и залегал и осматривался – погони не было.

Вышли на край города, до старых позиций 500 метров. Их уже заняли бойцы 1005 стрелкового полка.

Разрыв мины спереди, скорее за дом укрыться! Но вдруг его оглушило и потемнело в глазах...

– Севка, эй! Всё, приходи в себя!

– Что со мной?

– Контузило, наверное! Догнали нас фрицы из миномёта! -Доложите комбату про пацанов!

8

Подвал жилого дома, оборудованный под бомбоубежище, битком набит ранеными бойцами и гражданскими.

Кто-то гладил его по голове, целуя в губы, щёки и глаза... -Мама, сестрёнка???

Как тяжело открыть глаза – мир кругом тяжёл и тошнотворен. Нестерпимая головная боль.

Он лежит на полу. На коленях перед ним в грязной телогрейке, с пропитанными кровью рукавами, сидела Зина.

-Зина? Ты же в истребительном батальоне!?

-Тихо-тихо, помолчи родной. Всех девочек сегодня перевели в санитарный батальон. Очень много раненых. Одна наша девочка – Клава Чурляева сегодня шестьдесят бойцов вынесла. Комиссар Агеев с нами был, раненых выносил 7 раз... погиб... Слышала как на него ругался комполка, зачем не своим делом занимаетесь, комиссар. А он ответил: -Это и есть мое дело, самое важное сейчас! А политграмоту я потом почитаю, после боя...

-А я сегодня 17 бойцов наших вытащила, представляешь!?

-Героиня, – тихо сказал Сева, вспомнил, как по детски, еще вчера, успокаивал комиссар плачущих навзрыд бойцов...

-Целуешь меня? Что так-то? Товарищ профорг, я же вам не интересен!

Губами она прильнула к его, чтобы он замолчал. Потом затараторила: -Севка, я ходила на КП, за раненым офицером, он в нашем институте на четвёртом этаже. Институт весь разрушен! – слезы закапали ему на щеку, будто они плакали вместе.

Он закрыл глаза, слушал её всхлипы, чувствовал её поцелуи на своём лице и губах.

-Я искала тебя, спрашивала мальчишек из твоего взвода, они сказали, что ты, кажется, в разведке! Боялась, что не вернешься... Как хорошо, что я нашла тебя, Севочка!

-Зина, – позвал он. -Да? -Ты же такая красивая и сильная, я на тебя всегда ровнялся. Из-за твоей твердолобости влюбился в тебя!...

Не плачь, отстроим после войны институт наш... Выгоним фашистов и отстроим... Наши с тобой дети в нём будут учиться... -Ты не против, профорг? -Комсорг, я за! – и она подняла правую грязную, с потёками чужой крови, ручку, как на собрании...

Шёл третий страшный день обороны Тулы...

9

Дневник начальника штаба 766 стрелкового полка 217 стрелковой дивизии старшего лейтенанта В. А. Бенцель

«31.10.41

Всю ночь на 31.10.41 противник вёл ураганный артиллерийский и миномётный огонь по всему южному участку обороны Тула – Воронежское шоссе – Орловская ж/д.

Ночью занимался организацией штаба, наблюдательного пункта, установлением связи с частями. Прибыл комиссар участка старший политрук Акудинов и 4 человека политработников. Прибыл 58 зап. сп, 154 сд, 217 сд, делегат связи 2/447 кап и 8 танков ТБР.

Ушёл в неизвестном направлении отряд РК милиции, оборонявший Михалково.

На протяжении всей ночи занимались перегруппировкой частей, реорганизацией обороны. Вместо сбежавшего отряда милиции поставлен в оборону сб 58 зсп, усилен правый фланг 156 сп НКВД за счёт придачи 1 роты 58 зсп. 2-й сб 156 сп, понёсший значительные потери, выведен во второй эшелон, а на его место переведён со 2-го эшелона 3/156 сп и 80 человек артиллеристов 843 ап.

1005 сп и 154 сд заняли район обороны на участке Рабочего полка. Намечены основные и запасные огневые позиции имеющейся у нас артиллерии.

И самое важное, за ночь на всём участке создано 10 групп противотанковых истребителей из лучших бойцов и командиров, вооружены ПТР, гранатами и бутылками с горючей жидкостью. В местах наиболее вероятного прохождения танков открыты ячейки для противотанковых истребителей. Утра ожидаем в полной боевой готовности.

Со штаба 1005 сп, который помещался этажом выше КП участка в том же общежитии, в 06.30 я вышел на 4-й этаж – НП. Наблюдаю буквально за всем участком, видно всё, как на ладони.

Участок обороны услан дымком от частых разрывов снарядов и мин, которые, не жалея, всю ночь бросает нам противник. Южная стена общежития исключена в полном смысле этого слова. Ни одного квадратного метра непоражённой площади на всей стене.

К 7:00 из лощины справа Кирпичного завода у шоссе выползает по направлению обороны 156 сп 50 тучных чудовищ и до батальона пехоты. Невероятный шум моторов развёрнутого фронта 50 машин, беспорядочная стрельба артиллерии, пулемётов и автоматчиков. Небо устилается пеленой трассирующих пуль. Танки подползли ко рву, выстроились, как на параде, и ведут ураганную, но беспорядочную стрельбу.

Немедленно докладываю Кравченко, он сам вышел на НП и посмотрел «парад» диких чудовищ. Чёткая команда, и команда артиллерии, моментальный и цельный её залп из-за зданий института. 8 против 50 смело и быстро двинулись наши смелые танкисты. 2 часа упорного поединка 50 чудовищ, артиллерии, миномётов и автоматчиков противника и 8 красных танков и 12 орудий и славных пехотинцев обороны.

Несколько выстрелов пристрелки, и снаряды нашей артиллерии, корректируемые начразведки 2/447 кап лейтенантом Исая, который находится возле меня на НП, ложатся в цель. Три машины врага покрылись чёрным дымом. Пристрелялась и бьёт в цель артиллерия подоспевших из-за домов «КВ». до 2-х рот пехоты выбыло из строя у противника убитыми и ранеными, 10 подбитых и горящих чудовищ, и противник беспорядочно уходит в лощину, сопровождаемый нашим организованным огнём.

День 31.10.41 для фашистов начался бесславно, закончился так же, ибо две других атаки, предпринятые на протяжении всего дня, были так же успешно отражены огнём нашей артил-

лерии, танков и стрелковых подразделений. Эти атаки, предпринятые им в районе Китаевка, Гостеевка, стоили противнику до 100 человек убитыми и 6 танков.

1.11.41

Весь день и ночь на 1.11.41 наш участок простреливается интенсивным артиллерийским и миномётным огнём. Досталось институту. Продырявлены снарядами стены, ни одного целого окна, разбиты статуи во дворе института.

Вторая ночь организации штабной работы, разведки и наблюдения. Проверка частей, частичное изменение огневых позиций. Кравченко лично ночью обходит район обороны участка, подготавливая бойцов к завтрашнему дню. В штаб приходят командиры частей, подразделений. Уточнение обстановки, обсуждение и разработка системы огня и порядка отражения ожидающихся к утру атак противника.

Так прошла ночь на 1.11.41. С наступлением рассвета противник силой в 17 танков и до двух рот мотопехоты со стороны Н. Басово предпринял стремительную атаку нашего фронта по шоссе Орёл – Тула в направлении механического института. Располагал, как видно, застать врасплох.

Когда я на выходе Н. Басово заметил первую машину, артиллерист уже делал расчеты для стрельбы. Команда Кравченко была настолько чёткой, что только лишь 17 чудовищ успели подползти на возвышенность перед Кирпичным заводом, как 3 из них были охвачены огнём, и до 100 человек автоматчиков превратились в безмолвные трупы. Противник после 2-х часового боя с тяжёлыми потерями отошёл.

Весь день не прекращался ураганный миномётный и артиллерийский обстрел наших позиций. На протяжении всего дня то на одном, то на другом участке нашего фронта появлялись атакующие 5—3 танка со взводами автоматчиков. Но после того, когда успешно отражены атаки групп в 50 и больше танков с батальонами пехоты эти ничтожные попытки противника нащупать слабое место и прорваться казались просто «шуткой», и успешно отражались нашей обороной.

В 21:30 противник выбросил последний на южном участке «трюк» – психическую танковую атаку.

Оставив на НП адъютанта при Кравченко лейтенанта Ситепу, который выполнял немало работы по штабу, я сошёл на КП ужинать. Только принявшись за ужин, когда заходит адъютант и говорит, что к противотанковому рву подъехало много каких-то машин с зажжёнными фарами.

Майор Кравченко и все мы вышли на двор и установили, что до 50 танков противника, а потом установили, что с ними батальон пехоты, решили предпринять ночную атаку нашей обороны в направлении Верх. Китаевка. Эти чудовища выстроились с зажжёнными фарами и открыли ураганный артиллерийский и пулемётный огонь по фронту 1 и 3 сб 156 сп.

2.11.41

/ Тула – Дворец Труда /

Ночь осветилась светом трассирующих пуль. Выведены со строя орудия ПТО, установленного около В. Китаевка, 1 и 3 сб 156 сп дрогнули и начали отход, оставляя рубеж обороны.

Майор Самойленко (командир дивизиона 843 ап) с двумя бойцами подбежал к ПТО, где выведена прислуга, и прямой наводкой лично открыл огонь по подошедшим танкам. Немедленно на участок 2/156 сп был введён батальон 1005 сп и на участок 1/156 сп батальон 58 зсп, которые были в резерве.

Стремительное появление под пеленой трассирующих пуль этих батальонов остановило бойцов 1 и 3 сб 156 сп. Они заняли свои позиции и совместно открыли огонь по надвигающейся мотопехоте противника, вынудив её прекратить движение и залечь. Приступили к своей работе группы танковых истребителей, открыв огонь по танкам из противотанковых ружей.

Одновременно Кравченко удалось вызвать два залпа гвардейского дивизиона и через делегата связи артиллерии капитана Вербицкого и лейтенанта Исая вызвать артогонь 2/447 кап и 1 дивизиона 3 ап.

Потушив огни, танки продолжали с остервенением сопротивляться нашему организованному огню и после 2-х часового боя, оставив 6 сгоревших чудовищ и до роты уничтоженных фашистов, к 24:00 противник отошёл в район Косая Гора, продолжая обстреливать наш участок артиллерийским и миномётным огнём.

В результате 3-х дневных ожесточённых атак гудериановская группа силой до 100 танков при поддержке пехотного полка «Великая Германия», потеряв 38 танков и свыше 500 человек убитыми и ранеными, убедилась в невозможности прорыва южного участка обороны Тулы.

Противник явно перешёл к активной обороне, ибо к утру 2.11.41 район Кирпичный завод – Н. Басово непрерывно освещается ракетами, а шум моторов слышен в направлении д. Крутая. Вероятно, перегруппировка сил.

Утром получили приказ, что южный боевой участок ликвидируется. Приехали в Тулу. Сегодня отдохнём. Три бессонных ночи и три напряжённых боевых дня. Боялись садиться, старались быть на ногах. Борьба была упорной.

А в штабе Кравченко, которым он должен был обеспечить управление, было всего 5 человек: я – начштаба, ПНШ, начарт, уполномоченный ОО и адъютант. Технической связи с частями не было. Управлять приходилось только через делегатов связи, связных, а чаще всего личным посещением частей и подразделений боя.

Дни горячие, но Тула Советская, хоть за 3 дня мы потеряли до 100 человек убитыми, до 220 ранеными, 3 подбитых орудия, 3 подбитых танка, 4 станковых пулемёта и 5 противотанковых ружей.»

(Из дневника нач. штаба)

10

7 ноября Тульский рабочий полк награждали Красным Знаменем.

За героическую оборону города Тулы городским комитетом обороны полк награжден Красным Знаменем, а ряд бойцов полка командованием 50-й армии представлен к правительственным наградам – орденами и медалями Союза ССР. Знамя вручил председатель городского комитета обороны В.Г.Жаворонков командиру полка Горшкову, в трехстах метрах от передовой позиции полка.

«Истари известно, – говорил Жаворонков, – что вражеская нога много веков не была в древнем русском городе Туле. Фашистские борзописцы обещали взять Тулу 21 октября. Не вышло! Фашисты перенесли срок на 30е. Сорвалось и это! Заявили, что возьмут Тулу 7 ноября. Не вышло и не выйдет! Под Тулой мы пачками истребляем фашистскую нечисть и истребим ее здесь подчистую!»

Получая знамя, воины полка поклялись беспощадно истреблять фашистскую нечисть и победно донести его до гитлеровской германии.

Они стояли рядом в строю, слушали Председателя ГКО, смотрели как хлестало под холодным ветром Красное Знамя их полка, и хоть это не по уставу, она держала его за руку...

Полк сдержал свою клятву. С боями дошел до кёнигсберга – ныне город Калининград.

02.02.2019-

21.08. 2019

Копытов Г. Л.

Комсомольское затмение августа

Роман

Часть I. Не жестокий романс

«...Так и мы, когда любим, то не перестаем задавать себе вопросы: честно ли это или нечестно, умно ли это или глупо, к чему поведет эта любовь и так далее. Хорошо это или нет, я не знаю, но что это мешает, не удовлетворяет, раздражает – это я знаю.»
Чехов А. П.

*Друзьям посвящаю: Тимошкину Игорю,
Святцеву Валерке, Мельникову
Владимиру, Реброву Евгению, Строгову
Михаилу, Борису Серезину.*

1. Облом Петрович.

Марченко Валерий Петрович, наш тренер по дзю-до, неожиданно, расстроил заявлением, что поехать с нами не может и наш полноценный спортотряд, числом в 8 «бойцов», пристегивают к обычному, обывательскому отряду номер один... Радовало только, что там, наверняка, будут девчонки. А вездесущий зам. Петровича – Рубцов Александр Васильевич – не будет загонять пинками в спальню в 22—00, контролируя спортивный режим.

К тому моменту я окончил первый курс техникума. Мне 16 лет. Я был заместителем секретаря комсомольской организации группы и казался себе взрослым, и самостоятельным, на фоне друзей десятиклассников.

2. Спортсмены-алкоголики.

29 июля.

Около спортзала погрузка в автобусы.

Выхлопной бензиновый чад, округлые бока автобусов, пыльные выпуклые линзовые окна «ЛИАЗов».

Линялым, дымящимся полозом колонна «басов» потянулась по вянущим, от жары, улицам города, по загородным перелескам, приближаясь к зеленым чащам.

Стук веток по крышам автобусов. Мы дома – мы в лесу.

Не успели приехать, как тут же, симпатичная медичка завернула нас с Игорьком в Тулу. Оказалось, что не оказалось каких-то справок о прививках.

– Противогонорейных! -ляпнул простота Игорёха.

«Бойцы» попросили взять кимоно, в наивных надеждах на тренировки, или показательные выступления.

Поперлись попутками в Тулу. С нами увязался Женька Ребров. Буробил, что-то про фотокружок.

Мы быстро управились со справками. Я добежал до медпункта своего «технаря», Игорь до своего «калинарного» училища

С ЖенькОм в «Фототоварах» купили реактивов, пленки, бумаги, но Игорь, как назло, успел купить ...водки. В загаражном кармане, фекально озонирующем, мы «ее» побороли, окаянную. Хотя давились и плевались и «отдышивались», как перед заныриванием.

Ребров отказался «заныривать».

Перед посадкой на рейсовый автобус Гарик (он же Игорь) вынул из себя бутылку пресловутой «Червивки». И вот она уже приятно размещается и движется внутри нас, а мы внутри кустарника.

Естественно, ситуация, с этого момента, вырывается из-под контроля.

Мы ее ситуировали, а она нас нет.

Но кимоно-то я, все-таки, захватил!

До поселка Хомяково, добрались, без происшествий. Хоровое пение в «бусе» – не в счёт.

После высадки Игорь затребовал пива, ссылаясь на «законное право – посетить пивбар». Евгений урезонивал его достаточностью ранее «принятого».

Ненадолго затаившийся, Тимошкин, на границе поселка и леса, понимая, что «бар» вот-вот останется в прошлом, вновь воззвал к нашей сознательности. Так как к тому времени, я уже был не в состоянии соборно резонировать его просьбу, за меня повторным отказом ответил Женек.

Вот тут-то и началось непонятное, фантазмагоричное.

Тимошкин, вдруг, бросился бежать.

Ребров запрограммировал меня командой:

– Тут стой! Ни с места!! – сам ринулся за беглецом.

Гарри кидало, от одного края улицы до другого, но бежал он довольно быстро.

Женьку качало тоже... кажется. Но с нами он не злоупотреблял! Значит мощно штормило меня.

Бабки всех мастей, от ветхих двухэтажных бараков, кричали вслед:

– Лови, лови его касатик! —

Бабок тоже качало.

Шаткая погоня стремительно исчезла за углом дома, через секунду появилась с другой стороны...

Все трансформировалось! Из горизонтальной взаимосвязи, они перестроились в вертикальную последовательность – тавровую. Представляли собой букву «Т». Для бабуленций, от подъездов, это выглядело так, что один тащит другого, как барана, на горбу.

Мне же, почудился в этом, спяну, некий глубинный синкретический символизм.

Ребров снял с меня программу криком «Вперед! За мной!» и мы загрузились в лес.

Здесь Женька решил не вести нас в лагерь в таком, «паленом виде». Уложил спать прямо на землю.

Это была тактическая и физиологическая ошибка. Через полчаса нам стало «дуже недобре». Деревья завертелись в тошнотворной зловеще-геликоптерной карусели.

Мы поочередно рвались на жухлую траву, распугивая окрестное зверье утробным ревом динозавров.

Из тумана зеленого, вязкого и противного явился Евгений с ведром с чьего-то забора, полным ледяной воды. Он долго кунал туда наши бессмысленные физиономии, пытаясь добиться возвращения в «размякшие тела» личности и преобладания ее над критическим хаосом.

Каким-то образом ему, все-таки, удалось этого добиться. Женек вернул спасительное ведро, поднял, построил нас в затылок, пытался управлять нашим строем. Но строй был срочно развален, обнявшись с Игорем, хоровым пением мы глушили лесные периферии. Но оно не сильно отличалось от предыдущего рева диносаурус—рекс.

– Вот! Новый поворот! -вопили мы, а сами падали, не вписываясь в повороты и натываясь на стволы, ниспадая в овраги.

На перекрестке, где лес выходил к асфальту дороги Хомяково-Архангельское, пришлось срочно заткнуться и спешно завалиться в кусты орешника. Непредвиденная черная «Волга Газ-24», подозрительно похожая на директорскую, пересекла нам путь.

Долго бродили по перелескам и лугам, обходя крупные дороги. Валялись в тени березок, пели блатной и эстрадный бред.

В отряде появились только к вечеру.

Ужаснувшейся на нас вожатой я пояснил:

– Марина, я тверзак! – и завалился спать.

Долго, потом, знакомые стебали меня этой простенькой фразой.

3. На рефлексах.

30 июля.

В этот день были всякие бессмысленные организационные мероприятия.

Знакомство с руководством отряда и лагеря, выбор всяких редколлегий, председателей, совета отряда, замов чего-то, набор куда-то, какие-то «очумелые ручки», Женькин «фотографический» и прочее.

Я же чувствовал себя очень дурно. К вечеру выяснилось, что полузабытье не кончается.

Я рефлекторно ходил в столовую и на мероприятия.

Всеми ожидаемая, дискотека отменена, и вечером валяли дурака.

Ребята намылились к девчонкам в соседнюю дачу. Я поперся с ними. В руках у меня оказалась гитара. Я уныло брэнчал в нее «Сувенир» Демиса Русоса, подвывал, ныл, нюнил. Короче создал – музыкальный пасквиль... Девочки удивленно рассматривали меня:

– Плачет, что ли?

Я, понял: что-то не так и рефлекторно удалился спать.

4. Затмение.

31 июля.

Сегодня будет солнечное затмение. Я прочитал о нем в «Технике-Молодежи» еще полгода назад, но инициативу перехватил наш доморощенный астроном – Женька Ребров! Пока я находился в тупящем постпохмельном вакууме. Он заранее, с вечера, накопил стекл, и собрал кворум.

В 5—20 Ребров растолкал желающих и потащил на берег пруда. На астрономическую экспедицию решились пятеро: я, Игорь Тимошкин, две девочки из нашего отряда, и председательствующий Женька. Он считал себя продвинутым астрономом. Помню, еще с далекого детства, самодельные телескопы и трубы, звездные карты, валяющиеся беспорядочно по его тульской квартире.

Видимо, все-таки, на тот период, он был более нас, сведущ во всем этом астрономическом дилетантизме.

Однажды ругаясь с «Бубой» (Строговым Михаилом) Женька обозвал того «Утконосом». Что, соответствовало физиологической действительности, нос реально был приплюснутым, то в ответ услышал фразу, которая стала нарицательной в нашем кругу. Привожу почти дословно, с мелкой купюрой:

– Астроном, ты наш «долбанный»! Луну от Солнца отличить не можешь!

Полусонная экспедиция, утащив инвентарные одеяла, неуверенно царапалась по темному предутреннему осиннику, западая в рытвины, вымоины на заглохшей лесной дороге. Наконец-то выбрались на берег пруда.

До затмения, было, минут тридцать, мы с Гарриком забрались под одеяло, дремали, грея друг друга спинами.

Все эти красоты и явления природы: прохладная шаткая плоскость пруда, нарастающий гам птиц, утренние потемки, не став рассветом, вдруг перешедшие в сумрак затмения, вроде и беспокоили меня и интересовали, но болезненность обезличивала все это! Все казалось рядовым, постным.

Я вспомнил, многочитанное мною, «Солнечное Затмение» Альберта Лиханова, подумал: – вот бы и мне, нечто этакое, обустроить. Какой-нибудь «закат солнца вручную» с некой Young girl, -и уснул.

Сырой ветер от пруда студил меня и сквозь одеяло. И затмение я, конечно, же, проспал. Прочие, честно пялились на затмение.

Ребров, опять, растолкал нас:

– Пошли в лагерь на «подъем»!

Я глянул на конечную фазу идиотского затмения – корявый огрызок солнца с пятном грязи сбоку...

И стоило ли из-за этого сюда тащиться в такую рань?!

Шли обратно по просветлевшему уже лесу. Я впервые почувствовал э т о. Странное неприятное ощущение – боковое зрение захвачено каким-то желтым туманом. Ощущение нереальности происходящего!!! Дрянь какая-то!

5. Медсестра.

Вечером – у Тимошкина – высокая температура, у меня тоже.

Расстроенные – (лазарет в самом начале сюжета!) – мы сдаемся в санчасть.

А быть может и не зря. Очень, даже милая медсестра (конечно же, она была «врачом», но для нас с Игорехой – медсестрой, мы так ее между собой называли) залечивала наши прозябшие раны. Целых три дня. Что-то вроде флирта скользнуло, между нами.

Я сильно подозреваю, что причина заболевания – известное обливание в Хомяковском лесу и ледяное утро затмения.

Обидно было слушать по вечерам музыку с дискотеки! Танцы, по закону подлости, открылись в первый же день нашего возлежания в изоляторе.

У всех Sunrise, а у нас Moon decline.

Вялые, через три дня, вернулись в отряд, понимая, что «контингент» уже разобран...

6. Ленка.

Не помню, как это началось. Случайно отметил яркую желто-красную куртку в нашем отряде. Лицо еще долго не смог разглядеть, сослепу... Смутно видел лишь: большие глаза, крупные яркие губы, тонкая талия. Но пока все еще не решался – подойти и рассмотреть подробнее.

Две недели я бесцельно валял дурака – спал, что-то читал (нашел место!), занимался с Ребровым запрещенным карате, который уже успел нахвататься «верхов где-то в подполье».

Была экскурсия в Тулу на финал «Зарницы». Перед открытием – показательные выступления десантников. Наши показы – бледненькое фуфло в сравнении с их динамичными выкрутасами. Обсуждали с парнями, что из этого можно было бы включить в наши показательные выступления по дзю-до.

Возвращались домой, то есть в лагерь, на остановке Игорь заметил нашу «медсестричку». Наверное, ехала с отгулов в лагерь. Гаррик решительно настроился вечером подкатить к ней.

Потом вообще началась тоска: тупые споры по вечерам, что лучше Базаров или Чапаев, Колобок или Чингач-Гук. Бред-бредовый! Вообще я заскучал.

7. В Москву!

12 августа.

Но тут руководство лагеря выдало отряду поездку в столицу Союза Советских!...

В пыльном «Львiве» летели к Москве под дребезг Бубиной гитары и АББовское «Маня, Маня шлет Ваня, свой большой привет!»

Я, с Володей Мельниковым рядом на сиденьях. Очень удачно уселись. Ленка со Светой впереди на соседних креслах.

Всю дорогу «садились» им на уши! И похоже «поднаесли» основательно.

Я еще подумал: «десять дней (до окончания очереди) – так мало, чтобы начать и слишком много, чтобы закончить!»

Потом была Москва – как много в этом звуке (с точки зрения голодных и не разбалованных провинциалов) колбасы, мяса, конфет, шмоток, фарцмажоров и прочей непотребности.

Преданно и фанатично пучились мы на мавзолей, замирали комсомольские сердечки, вглядываясь в непроглядную тьму окон правительственных зданий и на самые главные «Куранты Страны».

Завороженно шлепали по реликтовому булыжнику Красной Площади. Мы не могли себе представить уровень будущего бардака, что скоро, здесь нагло усядется, как на просеке, на «Сессне-172 Скайхок» Матиас Руст, и потом еще 1,5 года не сможет взлететь.

8. Диссидент.

Я дурачился и смешил всех в «самом сердце» Москвы в Кремле...

Вот эти черно-белые фотографии: под валом и стеной, около Царь-Пушки, элегическая картина возле гранита «Тула», в ряду городов-героев.

Здесь мы стали свидетелями странного происшествия.

Мельников закричал:

– Смотрите! Диссидента берут! —

Он, уже тогда, знал это скрипучее, змеино-свистячее слово.

Метрах в ста от Лобного места некий мужичонка, вполне пристойного вида, развернул и поднял над головой бумажный плакатик, и что-то убежденно втолковывал гражданам вокруг себя. Граждане шарахались, ускоренно огибали мужичка, затравленно озираясь, старались отскочить подале. Длилось это секунд 20—30.

От ГУМа, гоня колесами толпу, рывкнули две черные «Волги». Два гэбиста, с мужественными красивыми лицами, почему-то, оба похожие на Илью Муромца, ликом и мощью. Красные от напряжения, в четыре руки, слаженно вогнали своим профессионализмом «пришельца» под крышу «Волги». Машины ринулись обратно.

Как сознательные комсомольцы, мы осудили наглую вылазку вражины, устроившего в Центре Родины дерзкую провокацию!

Все, согласовано, довольствовались реакцией, более начитанного и политически прогрессивного, Мельникова Вовки:

– Совсем обнаглели!..

Из Москвы возвращались счастливые, приобщившись к Московским Великим Таинствам.

Пишу на полном серьезе, без демонического антисоветского стёба, только с легкой иронией и о том, что выше, и то что ниже.

Мы гордились и гордимся нашей страной. Обожали ее, тогда и сейчас! Эту страну! Нашу Родину!! Тогда СССР – ныне Россию!!!

«Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя.

Спроси себя, что ты можешь сделать для нее?»

(Джон Фиджеральд Кеннеди)

Nos est principium vitae!

Я дребезжал под гитару:

– У беды глаза зелёные...

Девочки недружно подхватывали:

– Не простят не пощадят...

– Не тобой рубашка вышита,

– Чтоб я нравился тебе! —перекрикивал я гул мотора и диссонанс девичьих голосков, и хитро кивал на Аленку.

Буба отобрал у нас свою гитару :

– Унылости поете!

Отчубучил «развеселую» «Темную ночь».

Тепло и вечерний бардовый свет лились из мрачной глуши подмосковных, зелено-синих лесов.

9. Дискотека. Темные аллеи.

Этим же вечером в 21—00 дискотека.

Приглашаю Елену на танец, под наикрасивейшую композицию «Джони».

Потом втянул ее в наш круг – на совместную трясучку. В моде были танцевальные марафоны и фээргэвский хэнсэмбл «Чингиз-Хан». Мы, сознательные комсомольцы считали эту буржуйскую ВИАху группой фашистского толка, хотя, о чем поют – перевести было некому. А тут дружно и непатриотично, наши бойцы, начали дрыгаться под «Москау-москау». Я поведал, вслух свой вариант перевода. Наш круг, тут же, остановился и принципиально не скакал под «фашистов». Мы сурово осматривали несознательных пионеров и комсомольцев, укоризненно качая головами.

Это, потом, спустя много лет, я узнал, что песня «Москва» – это почти гимн Москве и России.

Если бы было иначе, думаю, что она, просто бы, не звучала на дискотеках!

И более других в фаворе был, не сходящий из-под иглы, наикласснейший сингл «Johnny!»

Недавно, мельком, услышал в автобусе. Водила крутил по «Маяку», ринулся – попросить: сделать погромче! Ностальгия нахлынула, резко, неожиданно, не вовремя. Я упирался в локти и спины граждан, но ментально загрузился в тень темной Солнечной фазы августа того, бесконечно далекого года. На границе вспышки короны и полного мрака... Я чуть не разрыдался. Почему??? Откуда и зачем эта наивная сенситивность?

Хорошо, что народом было много – не смог прорваться!

Только через 30 лет, из интернета, я узнал, что пела ту завораживающую песню, с хриловатым придыханием, надрывно, гиперсекси Джилла – Гизела Вюхингер – австрийская певица из Линца.

Потом погуляли по вечерним аллеям лагеря. Темные аллеи между рядами акаций, как у старика Тургенева Иван Сергеевича в любимом Спасском! Только не литературный избыток эпохи в кустах – бетонные чаши и цементные пионеры с горнами на пьедесталах.

Все так просто. Разговоры... о чем? Да ни о чем! Никакой политики, никаких проблем, кроме себя, конечно же.

– Ты кто по национальности? – мой вопрос. Зачем? Неужели это меня тогда беспокоило?

– Русская... или полячка, наверное... Отец был поляк.

– Был? А что с ним, где он сейчас?

– Лучше о нем не спрашивай!

– Хорошо, а что ты любишь? -я

– Читать, -она.

– Кого? -я

– Моя настольная книга Антон Павлович Чехов.

– !!? – это я ржу про себя, неудержимо. Вот, что означают эти знаки.

В то время у нас в моде были расставания с девочками в, так называемом, «чеховском» стиле.

Поясню. Поначалу выдается, со слезливой чувственностью и надрывом, «прости и прощай, о возлюбленная небом», далее переходит в холодящую чопорность. Сухо и немного гневно:

– Нам не суждено более видеться, мадемуазель, по ряду сложившихся объективных и субъективных причин и ввиду, нижеследующих обстоятельств... – Девчушка деревенеет, но ты, вроде как, не при чем. Сказано же – обстоятельств! И с чистой совестью выметаешься из неё... Из девчужечки...

Конечно же, стайл – «псевдо-чеховский», но эффективности не умаляет.

Мельников приучил, змей! Тимоха долго не мог отделаться от этой фразеологии...

– А какое у тебя хобби? – (она).

– Спорт, книги.

Я конечно же приврал, примазываясь к литературным увлечениям, но только чтобы подстроиться под нее. Читал я тогда мало.

Марание белых листов, свой стук по клавиатуре, – ни тогда, ни сегодня я не воспринимал за настоящую литературу.

– Мы повторяемся... Наверное много общего...

– Расскажи о себе побольше, о детстве...

– До седьмого класса занималась в цирковом кружке...

Боже!!! Когда это было?

Я выпотрошил свое пионерское бытие. А вот и нужный файл!

Из пыльного мешка сыпанули: детская комната школьника при ЖЭУ, ансамбль ложечников (мы дубасили на алюминиевых ложках «во поле береза стояла») на очередном районном конкурсе самодеятельности. А тут, вдруг, на сцене тоненька, неестественно гибкая, как воцеленная бечевка, девочка. Вдохновенно отрабатывала бесценную картонную грамоту, скрупулезно выполняя свои пассажи, радовала нас, демонстрируя некоторые подробности физиологии, игнорируя наши дурные смешки.

Совпадение: Ольга Сур материализовалась в восторженную комсомолку с улицы Максима Горького.

Она ли это была, нет, спросить я, почему-то, смутился.

Она вновь потащила меня на дискотеку. Ее фраза:

– Еще хочу себя показать! -удивила и оттолкнула меня. Мне же хотелось болтать и бродить по темным аллеям.

Раздосадованный – я спрятался в дачу. Болезненная слабость размазала меня по скрипучей койке.

10. Кроссы, пинг-понг.

«Ребзики» наши бегали кроссы по утрам. Заводили там Строгов.

Я ленился, ссылаясь на нездоровье.

Жалко, что врачиха из лазарета уехала. Ее сменила раздраженная тетка под пятьдесят. Мы с Тимохой прогрустили весь вечер вспоминая —«добрую и нежную». Мне бы быть постарше, или ей моложе. Дежурная печаль переходного возраста. Патологическая тяга к взрослым женщинам. Взаимная – я убеждался не раз. На тот период с ровесницами все было, как-то, сложнее.

Ленка вдруг предложила поиграть в пинг-понг. Я проглотил давешнюю обиду и поскакал за ракетками.

«Ребзики» убежали на «стадик» пинать мяч.

А я продолжил хлопать фанерными ракетками хрустящий шарик.

11. В девичьей палате.

В 23—00, после отбоя.

Я и Володька Мельников, он – вечный участник абсолютных весовых категорий.

Однажды, на областных соревнованиях, я прогулял (из-за девочки) день своего веса, а на следующий день сердитый Петрович поставил и меня в «абсолютку».

Первая пара – я с Володей!

Его 100 против моих 62 кило! Я отчаянно и долго бодался... Но те соревнования окончились для меня почти бесславно...

Проникли в палату. Она оказалась не запертой на крючок. Странно?

Там уже был Тимоха. Он возлежал с Леной номер два. По комплекции она более подходила бы Мельникову!

Днем я не сориентировался и сейчас мне пришлось туго. Я слепо шарахался по койкам. Но тут мне пихнули в руки гитару. Я разглядел Аленку и плюхнулся к ней на кровать.

Забренчал и загнусавил:

- Парашюты рванули и приняли вес
- И земля всколыхнулась едва,
- А внизу дивизия «Эдельвейс»
- И «Мертвая голова»...

По исполнению, был награжден кондитерским новшеством – глажеными баранками!
Абсолютно тонкие, поджаристые, хрустящие!!!

В армии, на утюге, я разладил и сжевал их не одну сотню, тепло вспоминая, ту первую нашу встречу... с ними.

Далее, традиционно, кто-то предложил мазать пастой маленькую палату.

Вынырнув из-под одеяла, в одной ночной рубаше, Ленка, спешно, накинула халатик.

Потом мы кого-то мазали, прятались, убегали. В темном коридоре я, как бы случайно, налетел на нее, и чтобы разминуться, нежно отстранял ее за талию.

Под халатиком и «ночнухой» ничего не было! Мозг получил, в ту же секунду сексуальный ожог!

Я поспешно убрал руки.

Вернулись. Она легла под одеяло, я рядом, но поверх него...

Она задала странный, неуместный вопрос:

– Расскажи о своей первой любви.

Мое сердце тронула печаль, солнце затенилось темными крыльями...

Я горько вздохнул. Что я мог рассказать ей об э т о м? Какие подобрать слова и описать то, что просила она?

Шестой раз в кинотеатре «Бабякино» на фильме «Вий».

Злые лики под телевизионной паутиной – павильонные съемки...

Душное лето, четыре палатки в глухом лесу, под высоченной горой.

Неумелый поцелуй, мягкая грудь под рукой. Счастливое забытьё...

А потом, вдруг, ничего – гнетущая пустота, одуряющее безвоздушие, удушающая гипоксия ущербной любви. Мутный осадок горечи. Отчаянье. Гулкая одинокость, как в делирии, но бесцветная, серая, гадкая.

Потерянный я брел по поселку Горелки. Перебаливая «паталогической влюбленностью».

Цветущие липы пахли приторно-сладко. Памятью об отгоревшей любви.

Безнадежно влюбленный семиклассник – жалкая вещь...

О чем тут было рассказывать? Для себя все это, я смог сформулировать, словесно и осмыслить, только через 10 лет!

Ей же – таковой мой рассказ:

– Ну... как ее, значит, дружили-дружили, все было нормально, а потом она вдруг, раз-дружилась... Вот и все...

– Ну и рассказал! Да ладно... Хочешь погадаю?

Она вдруг перевела тему, видя, что я «загрузился».

– Давай.

– Покажи ладонь.

Я подсунул свою клешню.

– Зырь!

– Ты женишься по глупости!

– С чего такие выводы?

– А у тебя на левой руке мизинец короче линии сгиба третьей фаланги безымянного пальца.

В какой омут, в какую кофейную гущу, смотрела эта девочка? Вот только не уточнила – в первый, второй раз?

Я вырос, и мизинец перерос сгиб соседнего пальца, и мне это, надеюсь, уже не грозит – глупая женитьба?

– Сейчас я расскажу что-то страшное. Хотите?

– Валяй!

– Это написал Эдгар По... Читали?

– Нет, конечно! Рассказывай!

– Он, наверное, был психически ненормальным человеком. Такие вещи нормальный не напишет.

– Слушайте... Новелла называется «Черный кот».

«Я не претендую и не притязаю на то, что кто-нибудь поверит самой чудовищной и вместе с тем, самой обыденной истории, которую я собираюсь рассказать...»

Рассказы, разговоры, обнимания затянулись аж до трех часов ночи. Мы подрывали своим несознательным поведением, ответственное мероприятие, запланированное на сегодня. Праздник Политической Песни. С какой-то политической «пестней» должен был выступить и я.

12. Политическая песня.

После подъема я был вялый и сонный...

Редколлегия во главе с вездесущим Ребровым забила в комнату вожатого. Чтобы соорудить актуальный политический плакат. Я предложил несколько тем и тут же уснул. Проснулся я с обидой: кто-то мазал холодной краской мне ухо. Я разлепил глаза и заорал на Женьку, который ехидно спрятал кисточку за спину.

Вечером мы выставили следующие произведения.

На первое: «Белфаст» с моим аккомпанементом и скрипучим вокалом.

На второе: «Пока мы едины мы непобедимы.» Местами по испански.

Вокал Реброва и его же аккомпанемент.

– Товарищ мой со мною вместе пой.

– В ночи без звезд

– Таится край родной!

– В одном строю

– Прижав к плечу плечо,

– Шагают дружно те,

– В ком сердце горячо!

– Когда мы едины – мы непобедимы!

– El pueblo unido jamas sera vencido!

В припевах его поддерживал хор – мощно, гулко и согласованно. От этой согласованности становилось спокойно за судьбу социализма на всей Земле!

Какая силища в тексте. Пытаюсь сравнить с «Хлопай ресницами и взлетай...» А зачем?

На третье мы выставили плакат: контур Великобритании с абрисом границ Ирландии. (Я был поклонником ИРА, Красных Бригад и RAF). Поверх все это перекрещено колючей проволокой в форме английского флага.

Я хотел протолкнуть песню посвященную памяти Виктора Хары (до сих пор не могу её спокойно слушать, так она завораживает бескрайней болью), но Ребров забраковал – оказалось не по теме. Там, видишь ли, Чили, а тут Ирландия. Там Американская военщина, а тут Британская!..

Но, заняли первое место. Мне не стыдно! Идея с темой – мои!

На следующий день был смотр «строя и пестни».

Мы топали под «Не плачь девченка!»

Опять первое место!

Не перевариваю эту песню! Она натерла мозги и мозоли в армии.

13. Гибкость рук.

Наш отряд охранял ворота. Я валялся в даче. Через вожатого Лена позвала меня.

Я радостно прискакал.

Ленка чудно выворачивала свои тоненькие ручки:

– А сейчас упражнение на гибкость рук...

Она заламывала кисть левой руки наружу так, что пальцы доставали до локтя!!!

Мои «заготовки» так гнуться не могли!

В лесу у нас есть свое место – «стрельбище». В 5—7 классах мы пуляли тут из «поджигных» и луков.

Каждый вечер мы, по привычке, приходили сюда, но уже с гитарой.

Жора улегся на красящем, как медицинская зеленка, штaketнике в куртке Паленого (Валерки Святцева).

Буба: -Испачкаешь куртку чужую! —

Жора безразлично: -Один хрен ее стирать! —

Все возмутились его беспечностью к чужому, но потом расселись по «стрельбищу» и дружно запели:

– И пусть сегодня дней осталось мало!

– И выпал снег и кровь не горяча!

Спустя пару лет, дошел-таки, до меня смысл этой песни!

До конца детства оставалось так мало!

14. Бег, диско, красный конь.

Я все-таки начал бегать. Но чтобы не попадать под влияние Бубы, который нагружал всех беспощадно, бегал в паре с Мельниковым. Продемонстрировал ему свою тактику бега, без измотки, на длинные дистанции.

Сейчас я назвал бы это – медитативный бег.

После 5 км по пересеченке, делаем рывок, под горку 300 метров.

Вовка восхищенный:

– Мне показалось, что сейчас взлечу, так легко стало. Будто ангелом стал!..

Потом бродили по лесу. Он изложил идею фильма с названием «в стиле диско» или просто «диско».

На фоне мелькающих ног падает человек и его затаптывают, в экстазе, не замечающие танцоры...

А я ему:

– Мое детство – Красный Конь...

Общение с ним сильно повлияло на мое мировоззрение.

15. Кислородное опьянение.

Мы дурели от кислородного опьянения. Несколько раз резко и глубоко вдыхаешь и перетягиваешь горло полотенцем. Пробовали поясами от кимоно. Больно и оставляет желтоватые полосы на шее!

Женьку Реброва однажды еле откачали.

Я, как всегда, брэнчал на гитаре, лежа на кровати, Мельников слушал меня. Жора «душился» – и улетал в космос.

В очередной раз он откинулся в пароксизме судорог воздушного оргазма. И вдруг затих. Прошло с минуту – он не двигался.

«Кирпич» (Мельников) сказал:

– Во – не дышит!

Я лениво бросил гитару и подошел поближе к Жорке.

Он лежал на спине и был, какой-то, неестественно плоский, с запавшей, будто на тяжком вздохе, грудью.

Мы неумело стали делать искусственное дыхание. Я дул в рот, Кирпич толкал в грудь. Однако, ничего у нас не получалось. Картина не соответствовала усвоенной плакатной.

Не помню – зажимал ли ему нос? Мои вдувания ничего не давали.

От отчаянья я начал резко шлепать ему по щекам и орать в ухо: - очнись дурачина! —

Он, вдруг выкатил из-под верхних век бессмысленные зрачки и спросил:

– Вы чего?

– Ничего! - ответил Володька: - здесь сейчас мог образоваться молодой и холодный...

Жорка поведал о своих ощущениях.

– Сперва слышал гитару, потом куда-то отлетели все звуки, и я пропал.

Потом услышал (не почувствовал!) звонкие шлепки. Он услышал (!) мои пощечины!

Жорка, нисколько не расстроенный клинической картиной, схватил полотенце, которым, только что, устроил себе обморок и принялся методично дубасить мух на потолке.

Весь вечер я был в смятении и радости, что обошлось...

Мое состояние заметила за ужином Елена и поинтересовалась причиной вопросительного знака, на моем лице, при взгляде на Жорку.

16. Бой.

Десять дней, после Москвы, промчались незаметно.

Наступал опасный день «прощальный костер».

Нас, как ребят старшего отряда и типа «спортсменов», выделили в охрану, собранного всем лагерем финального костра.

Крайние три дня мы усиленно готовились к бою, в буквальном смысле слова.

Борька Серегин, в будущем призер чемпионата мира по тяжелой атлетике, предложил наделать нунчак по паре на брата...

Жаль не сделали – пригодились бы.

Кимоно в скатке так и валялось, не использованное, у меня под кроватью.

Мы с Жоркой усиленно тренировались «корытом» на «стрельбище».

Мое мнение – Женька Ребров, среди нас сереньких, тогда был, самый неординарный как А.И.Салукадзев и мульти-развитой, почти как М.В.Ломоносов.

На тот момент – даже маститее многомудрого Кирпича!

Буба гонял и изматывал прочих бойцов, известными ему методиками.

Мы готовились.

Из «века в век, существует неписанное правило – на «костре» молодые колхозники доказывают, что они хозяева жизни. Упившись вдрызг, рассказав ножи по-за голенищами кирзачей – это средневековье является в самый грустный вечер.

Там и сям начинаются несправедливые избиения пионеров и комсомольцев.

Мне это напомнило войны «кулаков» с коммуноактивистами!

Геноцид районного масштаба!!!

Но в этот раз мы договорились противостоять «деревенскому кулачью» организованно.

В ожидании развязки таких ситуаций я обычно «немножко» нервничаю, чуть волнуюсь, а реально, просто не нахожу места себе. Жорка научил: -Сделай десять глубоких, ритмичных вдохов и расслабься. Как в карате. —

Ну-ка попробуй, расслабься! Не тут-то было. Я слонялся по лагерю и напевал, от зябкого страха, всякую-всячину.

– Увидала, что казак на коне

– И улыбнулась мне...

– Пошел солдат да оглянулся...

– А там над крышею тесовой

– Звезда высокая взошла...

Я, вдруг, почувствовал, что страх отпускает меня на этих простеньких словах.

Однако, ближе к вечеру появилась нервная зевота и свербящий холодок под диафрагмой.

Никакими вдохами и припевками уже не мог этого аннигилировать.

После вечернего построения на линейке, весь лагерь медленной широкорядной многоножкой, перемещался к костру.

Мы решили: не выплескивать конфликт на массы – остаться в лагере.

Подшли с Кирпичом к даче – вижу, вокруг, как собак не резанных, деревенских адептов – все вдрызг пьяные.

Я похлебал из-под крана – в умывальнике лежала бутылка какого-то пойла – и произвольно закрыл кран, вода из него хлестала во все стороны. Пройдя сквозь коридор перегара и мерзких тел, затыкая носы, мы пробрались к себе в палату.

Я зашел и успел присесть на тумбочку – в комнату ворвались двое.

Первый заорал: -Зачем воду закрыл? -и я почувствовал удар на левой щеке, успел, почему-то, заметить металлический браслет на запястье. Хотя мы ждали драки, но все-равно, это было настолько неожиданно, что никак не сумел среагировать, ответить, а только тупо моргал и пучился на «колхозных».

Едва преодолел позыв намочить трусы!

Сказав: «То-то!» – они победоносно удалились.

Мы сидели с Володькой удрученные и подавленные.

Мы же готовились!!! Но оказались не готовы.

Зато с этой секунды пропал страх! Только месть и ненависть к ублюдкам.

Потом мы с ребятами поперлись куда-то и нам передали, что одного парня «местные» крепко избили.

Мы бросились к даче. Возле нашей дачи было 7—8 уродцев. Основная их масса удалилась на костер.

Один с корявой, погрызенной оспой, рожей (Витек) сказал Жене:

– А ты, Коля, вообще отойди!

– Я не Коля, а Женя! И здесь мои друзья! -ответил тот.

Деревенский согласился... ударом головы по Женьке.

Жорка наш оказался не профан, а профи! Встретил колхозную голову, подставив свой мощный, сократовский лоб и, вбил в черта коротким боковым ногой.

Отлично! Началось!

Некий колхозник треснул Бубу по затылку и сильно пожалел об этом!

Мишка, мгновенно среагировал и длинным ударом руки дослал уroda в землю.

Сергей Панин возился с кем-то.

– Мочи гадов! -заорал я и двинул кому-то в бок ногой. Потом оказалось, что мы бьемся один на один. Молодчик делал отважные выпады в мою сторону, но наткнулся на отретпетированные с Жоркой «маваши-гери», в разные части тела. Ему это, почему-то, не нравилось. Он отлетал, но вновь пер на меня. Минуты три мы таким образом разминались...

В это время Володя Мельников стоял в центре драки, озираясь, в раздумье- кем бы заняться. Тимоха занимался тем же. Буба бросил очередного гада на землю. Тот запросил мира и отошел в сторону.

Валерка Святцев бился с «Копченым» где-то в кустах.

У меня с противником, что-то подзатынулось, злость прошла. Я предложил ничью. Не согласился. Мы продолжили. Я бил – он падал. Наверное, ему надоело падать и с криком: -Ща, гад! Он выдернул из-за пазухи нож в мой адрес. Я счел за лучшее побежать.

Потом говорили, что это был не нож, а стальная расческа. В темноте я разглядел только блеск!

Перепрыгнул через чью-то подставленную ногу, пробежал по лесу метров 300, я подстроился в хвост колонны, идущей на костер. Взяв еще троих ребят, я вернулся к даче. Наши пацаны уже шли навстречу. Некоторое время искали чьи-то сбитые электронные часы. Японская штамповка – дорогая по тем временам. Не нашли.

Следующий наш маневр. Мы знаем, что от костра уже подтянут «кулацкий» резерв и соотношение бойцов становилось, сильно, не в нашу пользу. Собралась вся «малая» (до 20 лет) алкашня из Архангельского, Бушёво и Федоровки. Их было раза в три больше.

17. Изолятор.

Часов до двух ночи, мы отсиживались в изоляторе медсанчасти. Новая врачиха, что-то не довольно бубнила, но впустила нас.

Мимо окон пару раз проскочил местный сторож по кличке «Водяной» в милицейской фуражке и с огромной дубиной в руках!

В этом же изоляторе пребывала «жертва» с нашей стороны. Сережка Сеницын. Он не был борцом. Но мы его считали своим. У него был разбит (возможно сломан) нос. Тот самый рыло-

дырый Витек, что пытался одолеть Евгения посредством тупого предмета, именуемого головой, успел раньше боя, вывести из строя нашего бойца.

Я потом понял их тактику. Они старались выбивать нас до драки, поодиночке.

В 24 с копейками, появился Валерка Святцев (Паленый). Символично – он бился с «Копченым». Бой у них был на равных, и они забавно барахтались в кустах.

Валерка грустно пояснял: – «Копченный» – не дурак подрасться! —

Потом он бегал по лагерю, прятался от деревенских, разыскивал нас и обежал весь периметр лагеря.

Отдышавшись он снял свитер – на спине (ко всеобщему смеху) зияло, полосой, оцарапанное тело в прогале разорванной рубахи.

Клок был вырван начисто, шириной 20 см, длинной во всю спину, с ровными краями, будто срезанный ножницами.

В два часа мы оставили свое убежище, и я юркнул к Ленке под бочок.

Она была немного взволнована, так как, что-то слышала о наших траблах, но быстро все забыла, когда я обнял ее.

В девичьей палате были еще «Паленый» и Тимоха – они «успокаивали» своих девочек.

Утром «Паленый» торжественно сообщил мне: -Я целовал Светку! —

Я порадовался за брата.

Говорили, что «колхоз» обещал выловить нас завтра на отправке.

Так что, расслабляться было еще рано.

18. Отъезд.

22 августа.

Всем отрядом договорились встретиться 30 августа в парке у фонтана.

Есть такая, замечательная, традиция в советских лагерях,

встречаться через некоторое время, после окончания очереди.

Утром мы уехали.

Местные не пришли брать реванш по трезвяку.

Ну что же, у нас были настоящие враги.

Как и положено – жестокие и коварные.

И это наше «Куликово поле» местного масштаба, мы хоть и не выиграли, но уж точно не проиграли.

Ведь до этого, дня, в открытое групповое столкновение, мы не решались ввязываться!

Мы почувствовали свою силу!

Вы спросите, закономерно:

– А в чем же сила, Брат?

Отвечу:

– В дружбе, Брат!

Проезжали мимо ее дома, она показала свои окна. Я запомнил.

– Пока!

– Пока!

Вот, кажется и всё!

19. Тоска.

Неделю я тяжело адаптировал, страдая несварением одиночества.

Как-то нужно было дотянуть до встречи.

Моя тоска агонизировала, особенно к вечеру, поднималась из зеленоватых глубин.

Я беру гитару...

– Хотел я спеть повеселей,

– Да что-то помешало...

Все время, назойливо, вспоминался такой эпизод.

За два дня до отъезда, «лагерное начальство», организовало «Огонек» – вечер отдыха, для

1—3 отрядов.

Ленка пела дуэтом со Светой:

– А теперь мне все равно,

– Потому что, я давно,

– Не видал как улыбаешься ты!...

В тот вечер, поднимаясь по ступенькам дачи, мне пришлось подрастолкать «колхозных молодцов» облепивших крыльцо, как мухи потолок сортира.

Я торжественно, как в придворных танцах, провел ее за руку через строй мутных глаз и кислой винной отрыжки...

Не тогда ли я возбудил к себе нелюбовь «строителей колхозной коммуны»?...

Какая разница!

Другое, важное, мне стало очевидным и озарило мрак Затмения вспыхнувшей Солнечной Короной:

– Потому что, я давно

– Не видал как улыбаешься ты!!!

Часть II. «И с нами, на все времена!»...

*«...Нет ничего страшнее ощущения пустоты,
которое исходит от того человека,
который занимает собой все пространство
твоего сердца. Особенно, когда ты
доверяешь этому человеку. Словами можно
убить и словами можно воскресить.
Почему мы можем любить человека,
который кроме пустоты не способен
ничего дать будущему? И этот вопрос
существует в истории человечества
веками, но ответа нет».
«Дом пустых обещаний»
Мехди Эбрагими Вафа.*

На фоне романтической первой части – вторая это эмоциональный фарш. Живой, смердящий, скунс, вместо наивного плюшевого медвежонка. Бумажный гарнир для изысканных, не первой свежести, блюд.

1. Вместе.

По нашим «чеховским» канонам, здесь должен быть эпилог, но... не вышло, а получился этакий пролог.

За неделю отсутствия, я «втянулся» в н е ё, в д е в ч у ш е ч к у.

30 августа.

Центральный городской парк имени Белоусова П. П.

В одиннадцать, я уже подходил к фонтану и издали услышал наш отряд! Собрались не все, но самые те, которых и хотелось видеть. И та, до встречи, с которой, я так «коматозил», всю предыдущую неделю.

Увидев меня, улыбнулась, так знакомо, с такой угадываемой, слабо скрываемой, радостью! Всегда забавляла ее улыбка! Я долго искал аналогию. И вот сейчас нашел! Маленькая пони!

– My little Pony! -с нежностью подумал я.

Мы крутанулись на «чертовом колесе». Девчонки немножко повизжали от страха, когда Тимоха бешено, раскрутил корзину в самом апогее. Повспоминали: как там было в лагере-весело, и дружно, местами жестко и грустно. Посидели в кино. Потом, парами разбрелись по домам.

С Еленой, шли пешком домой от кинотеатра «Центральный». Сейчас такого нет...

Было тепло еще по-летнему. Я взял ее за руку, вёл, нарочито, чтобы идти дольше, дальними задворками...

Только около часа ночи подошли к ее дому и сдал на руки маме, беспокойно курсирующей около подъезда.

А я уже час, как нестерпимо, хотел в «тубзик». Но сказать об этом, я был не в силах! И как только она с мамой, исчезла в подъезде, я рванул в ближний переулок...

Засыпал я счастливый и успокоенный, вспоминая как тесно, соприкасаясь плечами и бедрами, сидели мы, в ночи кинотеатра. Ее ладошка лежала в моей. Лена была, какая-то томная и ее хотелось обнимать и тискать!

Ежедневные встречи и прогулки, по вечерним улицам теплого августа и начала сентября. Дожди, в лагере, заливали нас полмесяца. Резиновые сапоги были самой востребованной обувью, даже на дискотеках! Но лето возвращало, нам двоим, свое тепло этими вечерами, перед первыми осенними заморозками.

2. «Большое дышло».

1 сентября.

Начался учебный год.

В техникуме, нас принудительно, загоняли в колхоз, толи «Большое Дышло», толи «Тридцать лет без урожая».

Непредусмотренная регламентом разлука! На месяц!! Меня очень нервировал этот неожиданный отъезд!

– Я буду скучать! – сказала она, тронув мое предплечье, своей тонюсенькой теплой ладошкой.

– Будешь ли? – я.

– Не беспокойся! Месяц – это быстро. Я здесь ни с кем другим встречаться не собираюсь!

Это ведь надо познакомиться, подружиться...

– А что, это проблема? – хмуро выдавил я.

– А зачем? – она.

– Может, хоть, письма писать? – упрашивал я.

– Ты раньше письма приедешь!

Совхоз «Большое Дышло», поселок Ивановково. Грязь, мразь, мрак...

Студентам запрещалось все! Ходить в магазин, гулять в лесу, который начал, так забавно желтеть, редкими проплешинами! Нельзя было шуметь, долго спать, пререкаться, что-либо выяснять про расценки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.